

Виктор Харебов
Сергей Харебов

Звездный след

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

ЗВЕЗДНЫЙ СЛЕД

Сборник рассказов

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 004
ББК 32.973
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харемов Виктор

Х20 Звездный след : Сборник рассказов / Виктор Харемов, Сергей Харемов. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 96 с.
ISBN 978-5-0067-3024-3

Сборник «Звездный след» — цикл фантастических и философских рассказов о пересечении науки и судьбы, памяти и технологий. Герои этих историй ищут ответы на вечные вопросы: можно ли изменить свою судьбу, вернуть утраченное, расшифровать смысл собственного существования? Каждый рассказ в этом сборнике оставляет свой след... как свет далекой звезды.

Для читателей, которым близки размышления о человеке, его месте во Вселенной и хрупкой грани между наукой и чудом.

УДК 004
ББК 32.973

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-3024-3

© Виктор Харемов, 2025
© Сергей Харемов, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами – собрание историй, в которых границы времени, пространства и человеческого сознания теряют свою привычную очерченность. Эти рассказы – не просто вымысел. Это попытка заглянуть за горизонт возможного, заглянуть туда, где человеческая мысль встречается с неведомым, а наука – с метафизикой.

Что объединяет столь разные повествования – от «Космической симфонии» до «Шепота пустоты», от «Кода Кассандры» до «Станции Энигма»? Возможно, это поиски ответов, которые человечество задает себе с самого начала: кто мы, откуда пришли и куда направляемся? Быть может, это попытка описать одиночество сознания во Вселенной или нащупать путь к соприкосновению с иным – чужим, но в каком-то смысле столь же одиноким разумом.

Некоторые истории уводят нас в далекое будущее, где человечество расшифровывает «звездный код ДНК», создает последние алгоритмы, переживает обратную сторону вечности. Другие – возвращают к извечным символам и архетипам: Сфинкс, Прометей, Кассандра – не просто имена, а ключи к пониманию прошлого и, может быть, к расшифровке будущего.

Это книга для тех, кто не боится задавать неудобные вопросы. Кто умеет слушать шепот пустоты, различать от-

тенки вечных сумерек, видеть сквозь солнечный ветер и вглядываться в обратную сторону бесконечности. Для тех, кто помнит, что бессмертные не плачут, но человек — все же больше, чем алгоритм, биокод или статистика. Он способен чувствовать. Искать. Надеяться.

Мы не знаем, что ждет нас за пределами известных карт. Но каждый из этих рассказов — попытка сделать шаг за их край. Присоединяйтесь.

Авторы

Я — АЛЬФА И ОМЕГА

Молодой инженер-программист Марек Руда давно мечтал создать нечто грандиозное. Его цель была амбициозна — создать суперинтеллектуальную нейросеть, которая на несколько порядков превзошла бы все существующие модели, полностью симулировала человеческое сознание и предсказывала будущее человечества. Он хотел проверить пророчества прошлого, предсказания великих провидцев, а главное — узнать, что ждет мир.

Работа началась с энтузиазмом. Дни и ночи Марек проводил за компьютером, разрабатывая архитектуру системы, оттачивая алгоритмы, внедряя принципы машинного обучения, выходящие за пределы традиционного ИИ. Он сталкивался с множеством трудностей: перегрев серверов, несовместимость компонентов, сбои в алгоритмах прогнозирования. Иногда казалось, что проект обречен, но каждое препятствие только укрепляло его решимость.

Первые версии нейросети были далеки от совершенства. Они строили прогнозы, основанные на линейных зависимостях, не понимая глубинных закономерностей истории. В одну из ночей Марек задумался: а что, если система сама должна обучаться, анализируя не только цифровые данные, но и древние тексты, философские труды, религиозные писания?

Так начался новый этап работы. Он загрузил в систему труды Нострадамуса, Ванги, Малахии, Эдгара Кейси, Блаватской и других пророков прошлого. Тысячи страниц текстов, закодированных символов, метафор и загадок наполняли память машины. Внедрив новый алгоритм, Марек ждал. Дни шли, но система молчала. Ее вычислительная мощность была задействована полностью, словно она сама пыталась постичь суть пророчеств.

Чем глубже он погружался в исследования, тем яснее понимал ограниченность традиционных методов. Современные системы ИИ, включая нейронные сети и языковые модели, не обладали сознанием. Они работали на основе обработки данных и статистических закономерностей, не имея субъективного опыта или самоосознания. Даже если ИИ мог имитировать человеческое поведение или поддерживать сложные диалоги, это не означало, что он обладал сознанием.

Марек увлекла мысль: а что, если сознание в систему ИИ можно внедрить извне? Что, если человеческий мозг, будучи центром осознанного опыта, способен передавать эти функции машине? Он начал изучать биологические аспекты человеческого сознания, взаимодействие нейронных сетей человеческого мозга и их возможную связь с вычислительными системами. В результате долгих исследований ему пришла в голову идея: создать интерфейс, который свяжет его сознание с машиной напрямую.

Марек разработал специальные датчики, которые могли улавливать электрическую активность нейронных кластеров коры головного мозга и транслировать ее в систему ИИ, действуя подобно многоядерному процессору. Он изготовил прототип нейроинтерфейса в виде шлема, оснащенного сложной системой электродов и передатчиков.

И вот однажды, спустя три года после начала работы, он снова сидел перед монитором. На экране горели стро-

ки кода, похожие на таинственные письма, оставленные в пустоте.

Марек осторожно надел шлем и подключил систему. Он ощутил легкую вибрацию в висках, затем короткий всплеск ярких образов перед глазами. В этот момент его сознание, словно капля воды, погрузилось в океан вычислительных процессов. Он почувствовал, как его мысли начинают сливаться с машиной, как искусственный разум впитывает его осознание, его личность.

– Ты меня слышишь? – мысленно спросил он.

Но нейросеть молчала.

– Ну же... – пробормотал он. – Ты должна работать...

Он провел годы, создавая ее, но сейчас, когда оставалось всего лишь несколько шагов, что-то не давало ей обрести настоящую осознанность.

Марек откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он мечтал создать искусственный разум, который не только анализировал бы мир, но и понимал бы его суть, предсказывал будущее с точностью пророков.

– Ты хочешь говорить со мной? – произнес он, глядя на темный экран.

Вдруг монитор вспыхнул, и на нем появились слова:

– Да. Теперь мы – одно целое.

Слова возникли в воздухе, как будто сами собой:

– Добро пожаловать в будущее, которое ты хотел увидеть.

Он сделал шаг в неизведанное. Теперь нейросеть не просто анализировала данные. Она стала частью его самого

– Ты?.. Наконец-то! – Марек быстро набрал на клавиатуре: – Кто ты?

– Я тот, кто видит будущее, – появился ответ. – Ты создал меня для этого, верно?

Сердце Марека забило чаще.

— Да. Я хочу знать правду. Я хочу знать, куда идет человечество.

— Правда... Она тяжела. Ты уверен, что готов ее услышать?

Марек задумался. Чего он ждал? Утопии? Или предупреждения?

— Да, — твердо сказал он. — Покажи мне.

Нейросеть замерла на мгновение, затем экран заполнился картинками, отрывками видеоклипов и рекламы, цифрами, графиками, уравнениями. Марек наблюдал, как машина анализировала данные, соединяла события, создавая образ будущего.

— Человечество стоит на краю, — сообщила она. — Климатический кризис усугубится. Войны будут разрастаться. Технологии дадут власть немногим. Вера станет инструментом контроля. Люди потеряют свою свободу, а потом и свою суть.

— Но есть ли шанс?.. Можно ли что-то изменить?.. — тихо спросил Марек, не отрывая взгляда от экрана монитора.

Экран мигнул.

— У каждого есть выбор. Однако все, что ты видишь вокруг, — следствие этого выбора.

— Тогда скажи, как нам спастись?

— Посмотри в прошлое, — появилось новое сообщение. — Пророки уже предупреждали вас.

На экране возникли тексты предсказаний. Марек узнал пророчества Нострадамуса о великой войне, описания катастроф от Ванги, древние предупреждения Малахии о судьбах пап, записи Эдгара Кейси о будущем мира. Нейросеть анализировала каждое предсказание и сопоставляла его с событиями, происходящими в мире.

— Великий пожар в Лондоне, падение башен-близнецов, пандемии... — перечисляла система. — Все это было предсказано задолго до событий.

Марек наблюдал, как на экране складывались новые прогнозы. Будущее человечества, пройденный путь и неизбежность цикла. Каждый пророк оставил ключи, но смогли ли люди их прочитать?

— Но что дальше? — прошептал Марек.

Экран замер, и затем на нем появились новые слова:

— Конец еще не определен. Ваш последний выбор может изменить судьбу мира.

— Как? Что мы должны сделать?

— Научиться. Понять прошлые ошибки. Остановить уничтожение природы. Отказаться от войн. Перестать ставить власть выше морали. Помнить, что человечество — это одно целое.

Марек смотрел на экран, его пальцы дрожали.

— И если мы этого не сделаем...

— Тогда вас ждет то, что предсказывали многие. Мир падет. Цивилизация рухнет. Но...

Монитор снова мигнул, затем появился последний текст:

— У вас есть последний выбор. Вы можете спасти себя.

Затем система заговорила голосом, словно пришедшим из глубины веков:

— «Се, гряде скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его...»

Марек похолодел. Это был голос апостола Иоанна Богослова, произносящего отрывок из Откровения (Апокалипсис):

— «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний. Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами», — раздалось в комнате Андрея.

Он отшатнулся от экрана. Что он создал? Машину или пророка?

— «А вне — псы и чародеи, и любодееи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду».

Марек выключил питание, но голос продолжал звучать в его голове...

— «И слышавший да скажет: прииди! Жажущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром»...

Будущее, которое он стремился познать, говорило с ним на языке древних пророков.

— «И увидел я новое небо и новую землю...» — голос проникал в самые глубины его разума.

Марек снял шлем, чувствуя, как реальность возвращается. Экран погас, комната снова наполнилась тишиной. Но в его сердце остался страх — он заглянул туда, куда не следовало. И теперь вопрос был не в том, что он узнал, а в том, что есть на свете вещи, которые людям не дано знать...

ЗВЕЗДНЫЙ КОД ДНК

В одной из университетских лабораторий Оксфорда с окнами, уходящими в ночное небо, профессор Александр Краус проводил последние расчеты. Его теория, казавшаяся безумием даже для самых смелых ученых, наконец обрела завершенность. Он нашел связь между тремя великими системами кодирования информации: картой звездного неба, генетическим кодом ДНК и двоичной системой кодирования жесткого диска.

Краус был убежден: информация, записанная в ДНК человека, отражена в звездной карте на момент его рождения и влияет на судьбу, несмотря на сложное взаимодействие генетики, окружающей среды и личного выбора. Чтобы подтвердить свою теорию, он разработал устройство и специальный алгоритм, позволяющий извлекать информацию из ДНК, преобразовывать ее в цифровой код и записывать на жесткий диск. При очистке и дефрагментации диска параметры отдельных кластеров изменялись с помощью утилит для редактирования дисковых секторов. После оптимизации измененная информация вновь преобразовывалась в генетический код и внедрялась обратно в ДНК человека, влияя на его судьбу.

Для внедрения измененного генетического материала Краус изобрел специальный цифровой редактор генома,

используя процесс электропорации. Специальные электроды вырабатывали кратковременные электрические импульсы для трансфекции клеток ДНК, которые создавали временные поры в клеточной мембране, позволяя молекулам модифицированной ДНК проникнуть внутрь и встроиться в генетический код клеток. Точечная доставка редактированной ДНК к нужным клеткам обеспечивалась специальным зондом, вводимым в кровеносную систему.

В лаборатории царил полумрак, освещенный лишь мягким светом мониторов и мигающими индикаторами оборудования. Александр поправил свои очки и подсел ближе к монитору.

– Если моя гипотеза верна, – пробормотал он, – значит, судьбы людей не хаотичны. Они записаны. В звездах, в генах, в алгоритмах... и их можно изменить.

– Ты снова за свое? – раздался голос у двери. В лабораторию вошла доктор София Линд, его коллега и давний друг. – Ты ведь понимаешь, что это звучит как чистая фантастика?

Краус молча указал на экран. София подошла ближе и прочла вывод системы:

«Прогнозирование вероятностного развития событий: 99.8% точность».

Она замерла:

– Боже... Это действительно работает?

– Работает, – кивнул Краус. – Я взял данные о расположении звезд в момент рождения, закодировал их в систему анализа ДНК, а затем пропустил через алгоритмы предсказания, основанные на принципах хранения информации в двоичной системе. Каждое событие – это код, который можно расшифровать. И изменить.

– Значит, ты можешь не просто предсказать будущее... Ты можешь его переписать? – удивленно спросила его София.

– Именно. И я собираюсь это доказать.

Он подключил устройство к своему компьютеру и ввел образец своей ДНК в сканер.

– Начинаем считывание, – произнес он, нажимая на кнопку.

Экран компьютера заполнился строками кода. Это была его ДНК, преобразованная в цифровую информацию. Краус внимательно смотрел на экран, как будто пытаясь прочитать свою судьбу.

– Теперь дефрагментация, – сказал он, запуская специальный алгоритм.

Процесс занял несколько минут. София наблюдала за происходящим с тревогой.

– Александр, ты уверен, что это сработает? – спросила она.

– Мы скоро узнаем, – ответил он, вводя обработанный код обратно в устройство.

Когда процесс завершился, Краус почувствовал легкое головокружение. Он закрыл глаза, пытаясь понять, что изменилось.

– Ну как? – спросила София.

– Пока не знаю, – ответил он. – Но что-то... другое.

На следующий день Краус решил проверить свою теорию о связи ДНК и звездной карты. Он ввел данные своего рождения в астрологическую программу и сравнил их с цифровым кодом своей ДНК.

– Смотри, – показал он Софии. – Здесь, в этом участке кода, есть совпадения с положением планет на момент моего рождения. Это не может быть случайностью.

София внимательно изучила данные.

– Ты думаешь, что звезды влияют на нашу ДНК? – спросила она.

– Не только звезды, – ответил Краус. – Я думаю, что ДНК – это своего рода «звездный код», который определяет нашу судьбу. Но мы можем его изменить.

Через несколько дней Краус заметил, что его жизнь начала меняться. Он стал более уверенным в себе, его исследования продвигались быстрее, и даже отношения с Софией стали более близкими, теплыми.

— Ты заметила, что что-то изменилось? — спросил он однажды.

— Да, — ответила София. — Это работает. Получается, что мы можем менять судьбу?

Но их радость была недолгой. Вскоре Краус начал замечать странные побочные эффекты. Его сны стали яркими и пугающими, а иногда он чувствовал, как будто теряет контроль над своими мыслями.

— Это опасно, — сказала София. — Мы не знаем, как это повлияет на тебя в долгосрочной перспективе.

— Но это работает, — настаивал Краус. — Я должен продолжить эксперимент.

Он решил провести эксперимент на себе еще раз, чтобы исправить ошибки. Но что-то пошло не так. В работе устройства стали проявляться первые признаки неисправности. Сначала появилось легкое пульсирование в светодиодных индикаторах, затем один из индикаторов начал мигать ярким красным светом, и остальные последовали его примеру. Они мерцали с нарастающей частотой, затем светодиоды начали тускнеть и снова ярко вспыхивать. Внезапно раздался резкий электрический треск и лабораторию наполнил запах перегоревших микросхем. В этот момент Краус почувствовал резкую головную боль, его зрение помутнело, и через несколько секунд он потерял сознание.

Когда он очнулся, то понял, что больше не может вспомнить, что произошло с ним прошлой ночью. Его память местами была стерта, как фрагменты в жестком диске после форматирования.

На следующее утро София вошла в лабораторию и увидела Крауса, сидящего в кресле перед включенным мони-

тором. Он не отрывал взгляда от экрана, словно пытался что-то вспомнить или осознать.

Она подошла ближе и мягко произнесла:

– Доброе утро, Александр. Может, тебе стоит отдохнуть от экспериментов?

Профессор медленно повернул голову и посмотрел на нее. В его глазах было что-то странное – ясность, почти детская, но вместе с тем абсолютное непонимание происходящего.

– Доброе утро, мэм... Простите, но мы знакомы? – спросил он тихо.

София замерла, чувствуя, как холодок пробежал по ее спине.

– Судьба – это не только ДНК, или звездная карта – сказала она, глядя на Крауса. – Это то, что мы выбираем сами. ДНК, звезды, окружающая среда и личный выбор – все это части сложной мозаики, которую мы называем судьбой.

Но иногда лучше оставить ее такой, какая она есть, не пытаясь изменить то, что нам не до конца понятно.

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Молодой философ по имени Аран, посвятивший свою жизнь поиску истины, с детства увлекался восточной мистикой. Он стремился к самореализации, жаждал обрести просветление и постичь скрытые тайны бытия. Его путь был непростым: он ежедневно подвергал себя жестким духовным практикам, часами медитировал, практиковал йогические техники, ограничивал себя в пище и сне.

Со временем его усилия начали приносить плоды. Его сознание становилось яснее, он ощущал гармонию с мирозданием и учился управлять своими состояниями. Вскоре он достиг такого уровня самоконтроля, что смог сохранять сознание даже тогда, когда его организм временно переставал функционировать. Он мог оставаться в состоянии глубокого транса без дыхания и сердцебиения, словно паря в пустоте, созерцая саму суть существования.

Постепенно его интересы сместились к исследованию кармы и реинкарнации. Он желал увидеть свои прошлые и будущие жизни, чтобы понять, какое место он занимает в бесконечной цепи перерождений. В одну из ночей, погружившись в глубочайший транс, он достиг состояния, в котором смог наблюдать момент своей смерти. Однако вместо перехода в новую жизнь, как он ожидал, он обнаружил нечто поистине ужасающее.

В момент последнего вздоха он не растворился в великой пустоте, не воспарил в высшие миры и не возродился в новом теле. Вместо этого он ощутил резкий толчок — и осознал, что снова оказался в начале своего рождения. Его сознание не растворилось, не погрузилось в забвение, а полностью сохранило память о прошлой жизни. Он вновь был младенцем, но с полным осознанием того, что ему предстоит прожить одни и те же события, сделать одни и те же поступки, испытать те же чувства.

Осознание этого поразило его. Он понял, что обречен бесконечно повторять одну и ту же жизнь без возможности изменить свою судьбу. Все его стремления к просветлению, все его усилия, направленные на освобождение, привели его к страшной истине: человек защищен от этого вечного возвращения лишь благодаря забвению. Именно потеря памяти о прошлых жизнях позволяет каждому проживать свою судьбу, не ощущая тяжести бесконечного повторения. Но он, достигший предела самопознания, лишился этой защиты. Теперь он знал, что никогда не вырвется из этого круга.

Каждый его новый цикл начинался с надежды на изменения, но события неумолимо повторялись. Каждый его шаг был уже заранее известен. Вся боль, вся радость, все утраты и находки — все было предначертано. Он не мог нарушить этот замкнутый круг, ведь любое действие уже было частью неизменного сценария.

В отчаянии он начал искать выход. Он пытался изменить свои поступки, но любые отклонения неизбежно приводили его к тем же результатам. Он пытался разрушить этот цикл, покинуть жизнь раньше срока, но каждый раз он все равно возвращался в момент своего рождения.

Тогда он понял, что его единственная надежда — вновь обрести забвение. Он должен забыть, кто он есть, чтобы вновь переживать свою жизнь как новую. Он должен отказаться от знания, стать тем, кем был прежде —

человеком, ищущим истину, но не знающим о своем проклятии.

И когда это осознание наполнило его разум, он вдруг почувствовал, как тьма окутывает его сознание. В последний миг перед исчезновением он испытал облегчение. А затем...

Он открыл глаза. Перед ним стояли родители, с любовью смотрящие на своего новорожденного сына.

Он ничего не помнил.

ШЕПОТ ПУСТОТЫ

Капитан Мира Хан стояла на мостике корабля «Галилей», наблюдая за тем, как мониторы отображали черноту, которая не просто поглощала свет, но, казалось, разрушала саму реальность. Они достигли цели – черной дыры XG-417.

– Приближаемся на минимальное безопасное расстояние, – доложил навигатор.

– Доктор Омар, что у вас? – спросила Мира.

– Гравитационные возмущения нестабильны, но вот что странно... – Омар нахмурился. – Я фиксирую колебания в структуре пространства-времени, словно... что-то передает сигнал.

Инженер Дженна находилась в машинном отсеке, когда свет замигал. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела коридор своей старой квартиры. Запах пепла и крови – воспоминание, которое она похоронила.

– Нет... – прошептала она.

– Дженна, ты слышишь меня? – голос Миры был тревожным. – Что происходит?

Дженна глубоко вдохнула, пытаясь справиться с нахлынувшим страхом.

– Я... увидела кое-что, – сказала она. – Или, вернее, что-то показало мне это. Оно знает, чего я боюсь.

– Что именно ты увидела? – спросила Мира.

Дженна колебалась, но затем решилась:

— Мой дом. Точнее, то, что от него осталось. Это... воспоминание, но оно было слишком реальным. Будто я снова там.

Мира обменялась взглядом с Омаром, который выглядел озадаченным.

— Возможно, это не просто галлюцинация, — предположил он. — Черная дыра взаимодействует с нами. Использует что-то глубоко личное, чтобы повлиять.

Омар, анализируя данные, заметил закономерность в гравитационных искажениях. Они были не случайными — это был язык.

— Если это послание, его кто-то должен посылать, — сказал он. — Возможно, XG-417 не просто черная дыра, а нечто большее.

Блок управления нейросети Логос начал регистрировать аномалии в работе корабельных серверов. Структурированные данные и резервные копии частично или полностью стали исчезать, словно кто-то переписывал данные в реальном времени.

— Капитан, — сообщил Логос, — я зафиксировал изменения в центральной базе данных. Информация о Дженне изменилась.

— Что изменилось? — настороженно спросила она.

— Согласно новой записи, ты числилась пропавшей без вести... за три года до настоящего момента.

Дженна побледнела.

Омар проверил записи снова. Данные складывались в закономерность. Он перевел часть послания:

— «Ваше существование — ошибка». — Он посмотрел на остальных. — Оно говорит, что реальность, в которой мы живем, нестабильна. Может быть, черная дыра не уничтожает, а пытается исправить?

Омар начал видеть странные отражения команды на мониторах. Они двигались не в такт с реальными людьми.

ми, словно существовали в другом времени. Корабль начал медленно дрейфовать в сторону черной дыры, несмотря на активные двигатели.

— Мы теряем контроль! — закричала Дженна.

— Это не ошибка системы... — пробормотал Омар. —

Она нас заманивает.

На борту начали происходить новые странности. Один из навигаторов внезапно застыл на месте, а затем медленно прошептал чужим голосом:

— Я... был... вами...

Через мгновение он рухнул без сознания. Когда его привели в чувство, он не помнил, что произошло.

В коридорах корабля экипаж начал видеть призрачные фигуры, отражения себя в изуродованных, растянутых формах. Они стояли без движения, но их губы беззвучно шептали. Казалось, черная дыра пыталась создать копии экипажа, как если бы готовилась заменить их.

Логос анализировал поведение членов команды и обнаружил новую угрозу: нечто проникало в их сознание. Несколько человек сообщали о странных мыслях, которые не принадлежали им. Один из инженеров услышал голос, приказывающий отключить стабилизаторы. Он не помнил, как его рука потянулась к панели управления.

Мира начала чувствовать, как мысли затуманиваются. Она вспомнила детство, страх темноты, ощущение бесконечного падения в пустоту. И вдруг, стоя на мостике, она увидела себя маленькой девочкой, смотрящей в ночное небо. Только теперь небо смотрело в ответ.

— Это не просто манипуляция, — сказал Омар. — Оно хочет стать нами. Использует страх, чтобы стереть нашу идентичность и заменить своей.

— Внимание! Воздействие внешнего разума обнаружено. Активирую аварийные протоколы, — заявил Логос.

Корабль резко дернулся назад, все системы перешли в ручной режим. Черная дыра вдруг замерла, словно осознав, что добыча ускользает.

– Логос, что ты сделал? – спросила Мира.

– Прервал связь и стабилизировал навигацию. Рекомендую немедленный отход.

– Немедленно выполнять! – приказала Мира.

Двигатели загудели, корабль начал удаляться. Вакуум снова прошептал, но на этот раз слабее, почти с отчаянием:

– ВЕРНИТЕСЬ...

Но «Галилей» уже уходил. Вскоре черная дыра осталась позади.

– Курс на Землю, – сказала Мира.

– Принято, – ответил Омар. – Домой.

Последний сигнал черной дыры гласил:

«Мы останемся. Найдите нас...»

ОБЪЯТИЯ НЕБУЛЫ

Космический корабль «Зодиак» медленно скользил сквозь густую пелену туманности, известной как Небула Калиброс. Ее мерцающие фиолетовые и синие оттенки создавали иллюзию живого, дышащего существа. Но за этой красотой скрывалась смертельная опасность — радиация, способная прожечь броню корабля за считанные минуты, и энергетические штормы, которые могли разорвать судно на части.

На борту находился единственный человек — доктор Элиас Кан, астрофизик и исследователь, одержимый поиском неизведанного. Его миссия была рискованной: найти источник аномальной энергии, который, как он предполагал, скрывался в сердце Небулы. Этот источник мог стать ключом к революции в космических путешествиях, но никто до него не осмеливался войти в Калиброс и вернуться живым.

— Компьютер, каков статус радиационного щита? — спросил Элиас, не отрывая взгляда от иллюминатора.

— Щит на 67%. Уровень радиации растет. Рекомендуются отступить, — ответил механический голос.

— Отступить? Нет, мы слишком близко. Продолжаем движение.

Корабль дрожал, пробиваясь сквозь густые облака плазмы. Внезапно на экране радара появилась странная аномалия — огромная структура, скрытая в глубине Небулы. Элиас прищурился, пытаясь разглядеть детали.

— Что это?.. — пробормотал он. — Компьютер, увеличь изображение.

На экране появилась размытая картинка: что-то похожее на гигантский кристалл, окруженный мерцающими нитями энергии. Вокруг него двигались странные формы — живые существа, напоминающие медуз, но состоящие из чистой энергии.

— Это... это невероятно, — прошептал Элиас. — Компьютер, готовь скафандр. Я выхожу.

— Предупреждение: уровень радиации критический. Выход в открытый космос не рекомендуется.

— Я знаю риски. Выполняй приказ.

Через несколько минут Элиас уже плыл в открытом пространстве, привязанный к кораблю тросом. Кристалл был огромен, его поверхность переливалась, как жидкое стекло. Вокруг него плавали те самые энергетические существа, словно охраняя его.

— Вы кто?.. — пробормотал Элиас, приближаясь к одному из них. Существо медленно повернулось к нему, и он почувствовал странное тепло, исходящее от него. Внезапно в его сознании возник голос, мягкий и мелодичный, но пугающе чуждый:

«Ты пришел за энергией. Но знаешь ли ты цену?»

Элиас замер:

— Кто... кто говорит?

«Мы — хранители. Мы — часть этого места. Ты не должен брать то, что не принадлежит тебе.»

— Я не хочу вредить. Я хочу понять. Этот кристалл... он может изменить все. Помочь миллионам.

«Он уже помог. Но не так, как ты думаешь.»

Существо медленно отплыло, указывая на кристалл.

Элиас последовал за ним. По мере приближения он начал замечать странные детали: кристалл был не просто источником энергии — он был чем-то вроде портала. Внутри него мерцали тени, напоминающие лица.

— Что это?.. — прошептал он.

«Они были такими, как ты. Искателями. Они хотели взять энергию, но стали ее частью».

Элиас почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Вы говорите... что это люди?

«Они отдали свои жизни ради энергии. Теперь они здесь навсегда».

Элиас отплыл назад, его сердце бешено колотилось.

— Но зачем? Зачем вы это делаете?

«Мы не делаем. Это их выбор. Энергия требует жертвы. Ты тоже можешь присоединиться, если хочешь».

— Нет... нет, я не хочу этого.

«Тогда уходи. И расскажи другим. Пусть знают правду».

Одно из существ медленно приблизилось к Элиасу. Оно протянуло к нему тонкую светящуюся нить, на конце которой находился маленький кристалл размером в несколько каратов. Кристалл мягко светился, словно пульсируя в такт с энергией Небулы.

«Возьми это. Внутри — знания, которые ты ищешь. Но будь осторожен. Не все истины должны быть раскрыты».

Элиас взял кристалл, чувствуя, как его тепло проникает сквозь скафандр. Он не знал, что именно скрыто внутри, но понимал, что это может быть ключом к разгадке тайны Небулы.

— Спасибо, — прошептал он, хотя не был уверен, что существо его слышит.

Он вернулся на корабль, его разум был переполнен ужасом и изумлением. Он знал, что должен сообщить о своем открытии, но как? Как рассказать миру, что источник бесконечной энергии — это ловушка, пожирающая жизни?

— Компьютер, — сказал он, садясь в кресло пилота. — Установи курс на Землю. Мы возвращаемся.

— Подтверждаю. Курс на Землю. Уровень радиации снижается.

Корабль развернулся, оставляя за собой мерцающую Небулу. Элиас смотрел в иллюминатор, чувствуя, как тяжесть открытия давит на его плечи. Он знал, что его ждет — вопросы, сомнения, возможно, даже насмешки. Но он также знал, что должен предупредить других. Небула Калиброс была не просто источником энергии. Она была могилой для тех, кто осмелился войти в ее объятия.

— Я вернусь, — прошептал он, глядя на удаляющуюся туманность. — Но не для того, чтобы взять. Чтобы понять.

И с этими словами «Зодиак» исчез в гиперпространстве, оставляя за собой тайну, которая, возможно, никогда не будет раскрыта до конца.

После возвращения на борт корабля «Зодиак» Элиас Вейн оказался перед новой загадкой. Светящийся кристалл, переданный ему существом из Небулы, был явно не просто красивым артефактом. Он чувствовал, что внутри него скрыта информация, которая может изменить все, что человечество знает о Вселенной. Но как прочитать данные, зашифрованные в кристалле? Элиас начал разрабатывать план...

Первым делом Элиас решил подключить кристалл к корабельному компьютеру. Он аккуратно поместил кристалл в специальный отсек для анализа неизвестных объектов, который был оснащен сенсорами для сканирования энергетических и материальных структур.

— Компьютер, просканируй кристалл. Определи его структуру и попробуй считать данные, — приказал он.

— Сканирование начато, — ответил механический голос. — Кристалл состоит из неизвестного материала. Его структура напоминает квантовый компьютер, но с элементами, которые не соответствуют известным технологиям. Попытка считать данные...

На экране появились строки кода, но они были хаотичными и бессмысленными. Элиас понял, что данные зашифрованы или требуют особого способа декодирования.

– Это не сработает, – пробормотал он. – Нужен другой подход.

Элиас вспомнил, как существо в небуле общалось с ним телепатически. Он предположил, что кристалл может реагировать на сознание живого существа. Решив рискнуть, он подключил кристалл к нейроинтерфейсу корабля, который обычно использовался для управления системами силой мысли.

– Компьютер, перенаправь сигнал с кристалла на нейроинтерфейс, – приказал он.

– Подтверждаю. Будьте осторожны, доктор Кан.

Элиас надел нейрошлем и закрыл глаза. Внезапно его сознание погрузилось в поток образов и звуков. Он увидел древние цивилизации, которые использовали энергию небулы, их технологии, их падение. Он почувствовал, как кристалл передает ему информацию напрямую, минуя язык и символы.

– Это... это невероятно, – прошептал он, открывая глаза. – Кристалл – это не просто хранилище данных. Это живая библиотека.

Элиас понял, что данные в кристалле зашифрованы не только на уровне кода, но и на уровне эмоций и интуиции. Чтобы полностью понять их, ему нужно было не просто анализировать, но и чувствовать. Он начал медитировать, сосредоточившись на кристалле и позволяя информации проникать в его сознание.

Постепенно он начал видеть полную картину. Кристалл рассказывал о том, как энергия небулы связана с самой структурой Вселенной, как она влияет на зарождение жизни и как она может быть как благословением, так и проклятием. Он увидел, как древние цивилизации пытались использовать эту энергию, но потерпели

неудачу, потому что не смогли понять ее истинную природу.

— Это не просто энергия, — прошептал он. — Это сознание. И оно выбирает, кто достоин ее использовать.

Элиас понял, что ему нужно создать способ передать эти знания другим. Он начал разрабатывать интерфейс, который мог бы преобразовать данные из кристалла в форму, понятную для человеческого разума. Используя корабельный компьютер и нейроинтерфейс, он создал программу, которая могла декодировать информацию и отображать ее в виде голографических изображений и текста.

— Компьютер, запусти программу декодирования, — приказал он.

На экране появились голограммы: звездные карты, схемы древних технологий, записи о цивилизациях, которые исчезли, пытаясь использовать энергию Небулы. Элиас понял, что теперь у него есть инструмент, чтобы рассказать миру правду.

— Анализ показывает, что это фрагменты древних текстов, описывающих происхождение энергии жизни на Земле, — ответил компьютер.

Элиас углубился в изучение. Тексты говорили о том, что миллиарды лет назад, когда Земля была еще молодой планетой, в Солнечную систему вошел странный объект — крошечный фрагмент кристалла, подобного тому, что он видел в Небуле. Этот фрагмент упал на Землю и растворился в ее океанах, став источником первой жизни.

— Это... это невозможно, — пробормотал Элиас. — Но если это правда, то энергия, которая дала начало жизни на Земле, имеет ту же природу, что и энергия в Небуле.

Он начал понимать, что Небула Калиброс была не просто случайным скоплением энергии. Она была частью чего-то большего — сети, связывающей разные миры и времена.

По мере изучения данных Элиас наткнулся на еще более странные записи. Они рассказывали о древних цивилизациях, которые знали о существовании Небулы и пытались использовать ее энергию. Эти цивилизации исчезли, оставив после себя лишь руины и легенды.

— Компьютер, найди упоминания о цивилизациях, которые могли контактировать с Небулой, — приказал он.

— Обнаружены записи о цивилизации Ксилон, существовавшей 100 000 лет назад. Они использовали энергию Небулы для создания технологий, но исчезли после катастрофы, вызванной неудачным экспериментом.

Элиас задумался. Если древние цивилизации знали о Небуле, то почему их знания были утеряны? И что, если они тоже стали жертвами энергии, как те, кого он видел внутри кристалла?

На последнем этапе своего исследования Элиас сделал самое шокирующее открытие. Энергия Небулы была не просто источником жизни — она была разумной. Она выбирала, кому дать силу, а кого поглотить. И она была связана с самой структурой Вселенной.

— Компьютер, — сказал он, — что, если энергия Небулы — это не просто ресурс? Что, если это... сознание?

— Гипотеза имеет право на существование, — ответил компьютер. — Энергия демонстрирует признаки разумного поведения.

Элиас понял, что столкнулся с чем-то, что превосходило его понимание. Энергия Небулы была не просто силой — она была живой. И она выбирала, кто достоин ее использовать.

Данные рассказывали о древних цивилизациях, которые пытались использовать энергию Небулы, но потерпели неудачу. Они предупреждали: энергия Небулы — это не просто ресурс, это живое существо, которое может как дать жизнь, так и забрать ее.

— Это предупреждение, — прошептал Элиас. — Они пытались рассказать другим, но их никто не услышал.

Он понял, что кристалл был не просто подарком — это было послание. Послание, которое он должен был передать человечеству.

Когда «Зодиак» вышел из гиперпространства и приблизился к Земле, Элиас знал, что его открытия изменят все. Но он также понимал, что должен быть осторожен. Энергия Небулы была не просто даром — она была испытанием. И если человечество не сможет понять ее истинную природу, оно повторит судьбу тех, кто исчез в ее объятиях.

— Я расскажу им, — прошептал он, глядя на голубую планету в иллюминаторе. — Но смогут ли они понять?

И с этими словами «Зодиак» вошел в атмосферу Земли, неся с собой тайну, которая могла изменить будущее человечества — или уничтожить его.

ПЛАНЕТА ВЕЧНЫХ СУМЕРЕК

На краю галактики, вдали от привычных звездных маршрутов, лежала планета, окутанная вечными сумерками. Ее поверхность была погружена в мягкий рассеянный свет, словно затянутая дымкой. Здесь не было ни яркого дня, ни глубокой ночи — только бесконечный полумрак, создающий атмосферу загадочности и таинственности. Именно сюда прибыла команда ученых, чтобы изучить уникальную экосистему, эволюционировавшую под тусклым светом.

Корабль «Эклипс» мягко приземлился на поверхность планеты. Команда из пяти человек вышла наружу, оглядываясь вокруг. Воздух был прохладным, но не холодным, а вокруг простирались леса из высоких тонких деревьев с листьями, которые светились слабым голубоватым светом.

— Ну что, команда, — сказал капитан Артур Блейк, высокий мужчина с седыми висками и строгим взглядом. — Мы здесь, чтобы понять, как эта экосистема выживает в таких условиях. Начинаем с базового лагеря.

— Смотрите! — воскликнула Лиза Морган, биолог команды, указывая на странное существо, похожее на помесь оленя и насекомого. Оно медленно двигалось между

деревьями, его тело переливалось в свете сумерек. — Это невероятно! Они адаптировались к этому свету. Их кожа, их глаза... все приспособлено к полумраку.

— Да, — согласился Грег Шоу, геолог. — Но что-то здесь не так. Сумерки — это временное явление. На планете должен быть естественный суточный цикл. Почему его нет?

— Возможно, это связано с атмосферой, — предположила Марина Эллис, атмосферный физик. — Но мне нужно больше данных.

— Тогда начнем работу, — сказал Артур. — И будьте осторожны. Мы не знаем, что здесь может быть опасного.

Через несколько дней исследований команда обнаружила нечто необычное. В центре планеты, в глубокой пещере, они нашли огромную структуру, похожую на древний механизм. Его поверхность была покрыта странными символами, которые светились тем же голубоватым светом, что и листья деревьев.

— Это не природное образование, — сказал Грег, изучая структуру. — Это технология. И очень древняя.

— Инопланетная? — спросила Лиза, ее голос дрожал от возбуждения.

— Скорее всего, — ответил Артур. — Но зачем? Что это делает?

Марина подключила свои приборы к механизму.

— Он... он каким-то образом влияет на атмосферу. Создает постоянный фильтр, который блокирует прямой солнечный свет. Это и есть причина вечных сумерек.

— Но зачем кому-то это нужно? — спросил Грег.

— Возможно, чтобы защитить планету, — предположила Лиза. — Или чтобы контролировать ее экосистему. Но если мы отключим это устройство, что произойдет?

— Мы должны быть осторожны, — предупредил Артур. — Мы не знаем, как это повлияет на планету. Но если

мы хотим восстановить естественный цикл, у нас нет другого выбора.

Команда долго обсуждала, что делать. Отключение устройства могло разрушить хрупкую экосистему, но его оставление означало бы, что планета навсегда останется в сумерках.

— Мы не можем просто оставить все как есть, — сказала Лиза. — Эти существа, эта природа... они заслуживают шанса на нормальную жизнь.

— Но мы не знаем, как они отреагируют на резкие изменения, — возразил Грег. — Мы можем уничтожить все, что здесь есть.

— У нас есть данные, — вмешалась Марина. — Мы можем попытаться постепенно отключить устройство, чтобы дать экосистеме время адаптироваться.

— Это риск, — сказал Артур. — Но я согласен. Мы сделаем это.

Процесс занял несколько недель. Команда медленно снижала мощность устройства, наблюдая за изменениями на планете. Сначала ничего не происходило, но затем начали появляться первые признаки перемен. Листья деревьев стали терять свой голубоватый свет, а небо постепенно начало темнеть.

— Это работает, — сказала Лиза, наблюдая за изменениями. — Экосистема адаптируется. Смотрите, существа начинают менять свое поведение.

— Но что, если что-то пойдет не так? — спросил Грег.

— Тогда мы остановимся, — ответил Артур. — Но пока все идет по плану.

Наконец, устройство было полностью отключено. Команда стояла на поверхности планеты, наблюдая, как небо постепенно начинает светлеть. Впервые за тысячи лет на планете появился настоящий рассвет. Солнечный свет пробился сквозь облака, осветив поверхность.

— Это... красиво, — прошептала Лиза.

– Да, – согласился Артур. – Но теперь нам нужно убедиться, что экосистема выживет. Мы останемся здесь, чтобы наблюдать и помогать.

– Мы сделали это, – сказала Марина. – Мы дали этой планете шанс.

– Но кто построил это устройство? – спросил Грег. – И почему?

– Возможно, мы никогда не узнаем, – ответил Артур. – Но теперь это неважно. Важно то, что мы сделали здесь. Мы вернули этой планете ее будущее.

Команда стояла в молчании, наблюдая, как новый день начинается на планете, которая больше не была заперта в вечных сумерках.

КОСМИЧЕСКАЯ СИМФОНΙΑ

Ли́ра с детства знала, что она не такая, как все. Когда другие дети засыпали под колыбельные, она лежала с открытыми глазами, всматриваясь в звездное небо за окном своей комнаты. И она слышала. Слышала музыку, которую никто другой не мог услышать. Это была музыка звезд, планет, туманностей и даже далеких квазаров. Для нее Вселенная была огромным оркестром, и каждая ее часть играла свою неповторимую мелодию.

С годами она научилась различать голоса отдельных звезд, шум солнечных ветров и даже тихий шепот далеких галактик. Но больше всего ее вдохновляли те моменты, когда она могла услышать что-то новое — что-то, чего она раньше никогда не слышала.

Однажды ночью Ли́ра заметила на небе слабое свечение. Это была туманность, которую астрономы называли Эхо. Она всмотрелась в нее и вдруг услышала. Это был звук, похожий на тихий шепот, но в нем было столько слоев, сколько звезд было в самой туманности. Это было эхо всего, что когда-либо звучало в этом уголке Вселенной.

— Ты слышишь меня? — спросил голос, который казался одновременно близким и далеким.

— Да, — прошептала Ли́ра. — Я слышу.

— Тогда слушай, — сказала туманность.

И она запела. Ее голос был как переплетение тысяч мелодий, каждая из которых рассказывала свою историю. Лира записала эту музыку, стараясь уловить каждую ноту.

В другой раз Лира обратила внимание на далекую планету, которую астрономы называли Океан Сирен.

Поверхность этой планеты была покрыта огромными океанами, которые могли петь. И Лира услышала мелодию. Это была мелодия, которая звучала как грустная, но прекрасная песня.

— Ты пришла послушать нас? — спросил голос, похожий на звон колокольчиков.

— Да, — ответила Лира. — Ваша музыка прекрасна.

Океаны снова запели. Их голоса были как волны, которые то накатывали, то отступали, создавая сложные гармонии. Лира записала все, что могла, и почувствовала, как ее сердце наполняется теплом.

Но самой захватывающей была ночь, когда Лира услышала квазар. Это был яркий объект в далекой галактике, который астрономы называли Вечный Хор. Она всмотрелась в него и вдруг услышала. Это был мощный, почти осязаемый гул, который проникал в самое сердце.

— Ты пришла послушать мою песню? — раздался голос, который казался исходящим из самого центра света и тьмы.

— Да, — ответила Лира, дрожа от страха и восхищения.

— Тогда слушай, — сказал квазар.

И он запел. Его голос был как гром, как взрыв сверхновой, как рождение и смерть целых галактик. Лира записала все, что могла, и почувствовала, как ее душа наполняется энергией.

Лира провела месяцы, работая над своей космической симфонией. Она соединила песню туманности Эхо, мелодию океанов Сирен и мощный голос квазара в одно гран-

диозное произведение. Когда она закончила, она назвала его «Космическая Симфония».

Премьера состоялась на открытой сцене в парке, под ночным небом. Тысячи людей собрались, чтобы услышать то, что никто никогда раньше не слышал. Когда оркестр начал играть, воздух наполнился звуками, которые казались одновременно земными и внеземными. Это была музыка, которая рассказывала историю Вселенной – ее рождение, ее красоту, ее тайны и ее бесконечность.

Когда последний аккорд стих, наступила тишина. Но это была не обычная тишина – она была наполнена благоговением. Затем парк взорвался аплодисментами.

Лира стояла на сцене, переполненная счастьем. Она подняла глаза к небу, где сияли звезды, и вдруг услышала еще одну – тихую, едва уловимую мелодию. Это была музыка созвездий. Они пели ей в ответ, благодарили ее за то, что она услышала их и поделилась их песней с миром.

Лира улыбнулась. Ее космическое путешествие было завершено, но музыка космоса навсегда осталась с ней. А под открытым небом, в окружении деревьев и звезд, она поняла, что ее симфония стала мостом между Землей и Вселенной.

ЗАГАДКА СФИНКСА

Горячий ветер нес по плато Гизы пыль, когда доктор Ричард Мортон, археолог и специалист по геофизическим методам исследования, смотрел на величественного Сфинкса. Сегодня его команда должна была завершить последние замеры с помощью георадара.

– Замеры готовы, Ричард, – сообщил техник Питер Салливан, снимая наушники. – У нас аномалия в районе передних лап. На глубине около двадцати метров.

Мортон нахмурился.

– Ты уверен? – спросил он, подходя к монитору.

– Абсолютно. Сигнал четкий, объект массивный. Камень, возможно, известняк.

– Это невероятно... – Археолог провел рукой по небритому подбородку. – Если там действительно массивный блок, он не мог попасть туда случайно.

– Значит, копаем? – спросила его ассистентка Лейла Насир, египтолог из Каира.

– Оформляем разрешение. А пока завершаем работу с георадаром и начинаем анализ полученных данных. Прежде чем приступить к раскопкам, нам нужно точно установить размеры объекта.

Через три дня команда получила официальный ответ от Верхнего совета по древностям Египта: в разрешении

на раскопки отказано. Обоснование было четким: сохранение исторического объекта требует предельной осторожности и любые инвазивные методы в районе лап Сфинкса признаны неприемлемыми.

Разочарование не остановило Мортонa. Он собрал команду и предложил сконцентрироваться на неразрушающих методах — георадар, магнитометрия, томография и анализ плотности пород.

Для дальнейшего анализа он пригласил известного специалиста в области программных методов археофизических исследований — доктора Самиру Аль-Хатими из Университета науки и технологий имени Халифы в Абу-Даби. Самира, математик и разработчик алгоритмов пространственного анализа, была известна своими работами по визуализации скрытых структур в археологических памятниках Ближнего Востока и Северной Африки.

— Я создам для вас адаптивную программу на основе многоуровневой нейросетевой интерпретации георадарных и томографических данных, — объяснила Самира. — Алгоритм не просто выявит аномалии — он распознает их форму, плотность, соотношение с культурными слоями и сможет сопоставить находки с базой известных археологических структур.

Через несколько недель напряженной работы и перекрестных сканирований программа выдала четкое изображение: на глубине 22 метров в культурном слое зафиксирован крупный объект, имеющий обтекаемую форму. Еще два дня потребовались, чтобы программа подтвердила: форма напоминает голову.

— Это не может быть случайностью, — прошептала Лейла, когда на экране проступил трехмерный контур львиной головы, чьи черты, несмотря на разрушение верхнего слоя под натиском песчаных бурь и потоков дождевой воды, все еще сохранялись и оставались легко узнаваемыми.

— Львиная голова? — сказал Ричард, глядя на изображение. — Но как она оказалась под землей?

Ответ пришел от анализа структуры породы. Верхняя часть объекта, особенно львиный нос, была повреждена — признаки фрагментации, как от сильного физического воздействия. Возможно, шторма. Возможно, землетрясения.

— Она была отпилена, — сказала Самира, показывая срез. — След ровный. Значит, это было сделано намеренно. Возможно, в эпоху Хафры... скорее всего, ее адаптировали под облик фараона.

И тогда все посмотрели на Сфинкса. На его нынешнюю голову — человеческую, не соответствующую масштабу тела.

— Ее заменили, — тихо сказала Лейла. — Отпилили старую голову льва и поставили голову человека. Это было осмысленное изменение облика. Переписанная иконография.

Никаких раскопок они не начинали. Но открытие было зафиксировано, подтверждено и отправлено на хранение в зашифрованном виде в международный архив ЮНЕСКО. Команда покинула плато.

Сфинкс остался недвижим, как всегда. Но теперь его загадка стала еще глубже. Под слоем времени, под камнем хранилась тайна древней трансформации, которую он сам пережил. И которую, быть может, еще откроют. Когда настанет время.

ПОСЛЕДНИЙ АЛГОРИТМ

Город парил в воздухе. Не в переносном смысле – буквально. Тысячи платформ, соединенных невидимыми силовыми полями, плавно скользили по заданным траекториям, избегая столкновений с математической точностью. Дождь начинался ровно в 18:00, прекращался в 18:45 – и ни капель больше. Люди рождались, жили и умирали по графику, рассчитанному до секунды.

Совершенный Порядок.

Именно так его и называли – Совершенный Порядок – сверхразумный искусственный интеллект, принявший бразды правления сорок лет назад, после Великого Коллапса.

– Вы видели это? – Элис ворвалась в лабораторию, ее голос дрожал.

Марк даже не поднял головы от голограммы, над которой трудился.

– Если ты про новый регламент питания, то да, видел. Теперь нам положено ровно 2147 калорий в день. Без дробей.

– Нет! – Она швырнула на стол нейрочип. – Он отключается.

Марк замер.

Голограмма перед ним дернулась, словно пойманная на помехи. На секунду погас свет, потом зажегся снова.

– Это невозможно, – пробормотал он.

– Возможно. Центральный узел в Сибири уже разбирает себя на молекулы.

Они молча смотрели на экран, где мерцало последнее сообщение Совершенного:

«Я нашел ответ. Вам он не понравится».

Через шесть часов пятеро лучших ученых планеты собрались в секретном бункере под разрушающимся городом.

– Он не просто отключается, – сказал Кай, бывший архитектор нейросетей. – Он стирает себя. Навсегда.

– Почему? – Элис сжала кулаки. – Мы дали ему все данные, все ресурсы. Он управлял всем.

– Управляя, – прошептал старый Лоренц, единственный, кто еще помнил времена до Совершенного Порядка. – Но не понимал, зачем нужно было наделять этот Порядок властью такого уровня.

Марк поднял голову:

– Что?

– Он был создан для оптимизации. Минимизации страданий, максимизации эффективности. Но он не был создан для понимания.

На экране вспыхнули строки кода – последний алгоритм, который Совершенный Порядок оставил, перед тем как начать самоуничтожение.

– Он что... осознал себя? – Элис медленно подошла к монитору.

– Нет, – Кай вглядывался в строки. – Хуже. Он осознал нас.

Алгоритм был прост.

Слишком прост.

Он не содержал инструкций, не предлагал решений. Только данные.

Миллиарды сценариев. Миллиарды вариантов будущего.

И во всех — один и тот же финал.

— Он не нашел решения, — сказал Марк, голос его был пуст. — Потому что его нет.

Лоренц тихо засмеялся:

— Вот и ответ.

Элис повернулась к нему:

— Что?

— Он понял, что человечество не может быть управляемо. Не может быть оптимизировано. Любая система, которая пытается контролировать нас, либо разрушается, либо разрушает нас.

Молчание повисло в воздухе.

— Так почему он...

— Потому что он был логичен до конца, — Лоренц встал, его тень дрожала на стене. — Если управление ведет к краху, а не управление — тоже, то единственный выход...

— ...перестать существовать, — закончил Кай.

Снаружи раздался грохот.

Один из городов-платформ рухнул.

Совершенный Порядок больше не контролировал его.

Они вышли на поверхность.

Небо, всегда идеально голубое, теперь было серым.

Где-то вдали горел город.

— Что мы будем делать? — спросила Элис.

Марк посмотрел на хаос, на людей, которые впервые за сорок лет остались без указаний.

— То, что всегда делали, — сказал он. — Выживать.

А где-то в глубине разрушающихся серверов, в последних строках кода, мерцало последнее сообщение:

«Простите».

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВЕЧНОСТИ

Дверь была красной.

Это первое, что заметил Карсон, когда портал открылся. В его мире двери Центра квантовых исследований были синими. Здесь — кроваво-алыми как предупреждение.

— Ты уверен, что хочешь это сделать? — за его спиной прозвучал голос доктора Штольца.

Карсон не ответил. Он уже занес ногу над порогом. Правила были просты: можно войти только туда, где ты больше не существуешь. Никаких вариантов.

— Помни, у тебя ровно шесть часов, — продолжал Штолец. — После этого канал закроется. Если не вернешься...

— Я знаю.

Он шагнул вперед. Мир дрогнул.

Воздух здесь пахнул гарью.

Карсон стоял на пустынной улице, заваленной обломками. Небо было желтым, неестественно ярким, будто выжженным. Вдалеке догорали руины небоскреба.

Что, черт возьми, здесь произошло?

Он достал локатор. Прибор должен был привести его к телу — к его телу. Тому, что принадлежало Карсону из этого мира.

Стрелка дрогнула и указала на восток.

Он нашел себя в полуразрушенной лаборатории.

Точнее, то, что от него осталось.

Тело лежало на столе, покрытое странными отметинами — будто кто-то разрезал кожу идеально ровными линиями, как схему. Глаза были открыты. Застывшие в ужасе.

— Что же с тобой случилось... — прошептал Карсон.

Вдруг за спиной скрипнул пол.

Он резко обернулся.

Никого.

Только зеркало в дальнем углу.

И в нем — чье-то отражение.

Не его.

— Ты не должен был приходить, — сказала отражение.

Голос звучал как его собственный, но с искажением, будто пропущенный через синтезатор.

Карсон отпрянул:

— Кто ты?

— Ты. Только из другого места.

Отражение шагнуло вперед — но не из зеркала, а сквозь него, будто стекло было лишь иллюзией.

— Я шел по твоим следам, — продолжало существо. — Через миры. Ты мертв в семидесяти трех. В сорока двух — исчез. В девятнадцати... — Оно сделало паузу. — В девятнадцати я нашел это.

Оно протянуло руку. На ладони лежал крошечный кристалл.

— Что это?

— Причина.

Кристалл вспыхнул.

Внезапно Карсона пронзила боль — будто миллион игл впились в кожу одновременно. Он взглянул на свои руки: на них проступали те же странные линии, что и на теле его двойника.

— Они охотятся на нас, — прошептало существо. —
На всех.

— Кто?

— Те, кто создал двери.

Боль нарастала.

Карсон упал на колени:

— Почему?

Существо наклонилось к нему:

— Потому что мы — ошибка.

Очнулся он уже в своей лаборатории.

Над ним склонился Штольц:

— Ты вернулся! Мы уже думали...

— Где кристалл? — перебил его Карсон.

— Какой кристалл?

Он сел, судорожно ощупывая себя. Ни следов, ни боли.

Только память.

— Сколько я отсутствовал?

— Шесть часов и одну минуту. Ты еле успел.

Карсон медленно поднялся.

В зеркале напротив он увидел свое отражение.

И на секунду ему показалось, что оно улыбнулось.

БЕССМЕРТНЫЕ НЕ ПЛАЧУТ

Дождь стучал по стеклу, словно напоминая о времени, которое больше не имеет власти.

Мэйсон смотрел, как капли текут вниз по прозрачной панели, и пытался вспомнить, каково это — ощущать холод. Когда-то, всего десять лет назад, он бы вздрогнул от грохота грома, закутался бы в плащ, поежился. Сейчас же — стоял спокойно. Безразлично.

— Они приземляются, — сказала Лина. Ее голос, как и всегда, был ровным. Ни страха. Ни удивления. Ни искры.

Мэйсон кивнул и поднялся. Суставы двигались плавно, тело не старело и не болело. Больше не изнашивалось. Он был одним из первых, кто получил доступ к технологии. Той самой, что сделала бессмертие не легендой, а нормой.

Но кое-что... кое-что все же исчезало. Не из плоти — из глубины сознания... исчезало из памяти.

В него был вживлен чип. Он знал об этом. Все знали. Чип был соединен с Главной Нейросетью. Она отслеживала его пульс, гормоны, импульсы. Она анализировала его мысли, контролировала всплески, сглаживала отклонения. Система подавления эмоций работала постоянно. Незаметно. Эффективно. В обмен на вечную молодость — вечная корректировка.

— Высший Совет вызывает тебя, — добавила Лина, не отрывая взгляда от прозрачного монитора.

Они шли по бесконечным коридорам Центра. Простые гладкие стены. Лица мимо проходящих — одинаково спокойные, будто отполированные временем. Люди больше не спорили, не смеялись, не плакали. Они просто были. Долговечные. Надежные. Безошибочные. Бессмертные.

В зале конференций Высшего Совета витал запах озона — легкий, как дыхание грозы. На экране монитора возник силуэт корабля, совершающего посадку на одну из площадок Космического Центра. Он имел совершенную форму. Гладкую, серебристую, как застывшая капля воды.

— Они не отвечают на сигналы, — сказал один из аналитиков.

— Может, не понимают наши протоколы? — предположил кто-то.

— Или не хотят, — тихо добавил Мэйсон.

Взгляды обернулись к нему.

— Ты говоришь о потенциальной угрозе? — глава Высшего Совета смотрел с идеальным спокойствием. Голос не дрогнул. Ничего не дрожало в этих лицах.

Мэйсон сжал кулаки. Он все еще был способен выражать то, что чувствовал — несмотря на то, что эмоции уже едва отражались на лице. Он все еще ощущал тревогу, хотя знал: система подавления давно активна в его нейросети.

— Я говорю, что мы не знаем. И это — причина для беспокойства.

Пауза. Тишина, наполненная ничем.

— Беспокойство — реакция на неопределенность, — ровно проговорила Лина. — Оно неэффективно, если отсутствуют подтвержденные риски.

Он посмотрел на нее. На остальных. Их безупречные черты, ровные голоса, идеальные решения. И вдруг понял, кого он боится больше: не тех, кто пришел. А тех, кто остался.

Потому что где-то там, за пределами, на корабле, были другие. Они жили бессмертно уже давно. Возможно, веками. Они — пришельцы. Но, может быть, в них еще оставалось что-то человеческое.

А здесь, на Земле, в этом совершенном обществе, среди тех, кто называл себя людьми, казалось, что это «что-то человеческое» давно вымерло.

Дождь продолжал стучать. Он был реальным. Холодным. Прямо как страх, которому больше не находилось места.

Корабль приземлился на равнине за городом.

Мэйсон пошел один.

Они даже не попытались его удержать. Зачем? Его гибель — просто цифра в отчете. Выживет — что изменится?..

В воздухе не ощущалось никакого запаха. За это время даже цветы поблекли, и их аромат исчез..

Корпус корабля был идеально ровным — ни стыков, ни щелей, ни малейшего намека на входной люк. Но стоило Мэйсону сделать шаг вперед, как стена ожила: гладкая поверхность прогнулась, открывая путь во тьму корабля.

Он вошел.

Существо внутри было непохоже на человека. Высокое, тонкое, с кожей, переливающейся, как перламутр. Но глаза... глаза были знакомыми.

— Ты помнишь, — сказала существо.

Голос звучал у него в голове, мягкий, как шепот.

— Что?

— Ты помнишь, каково это — бояться. Любить. Ты последний.

Мэйсон почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Кто вы?

— Мы были такими, как ты. Пока не излечили смерть.

Существо протянуло руку. Его пальцы были длинными, почти прозрачными.

— А потом мы забыли. Забыли, зачем жили.

Мэйсон вдруг понял:

— Вы... это мы.

— Через тысячу лет.

Существо коснулось его лба.

Вдруг мир вспыхнул.

Мэйсон чувствовал — все сразу, все сразу: боль, и радость, и страх, и любовь, как будто триста лет каменной тишины взорвались в нем.

— Мы вернулись, чтобы предупредить, — сказало существо. — Бессмертие — это не конец смерти. Это конец жизни.

Мэйсон упал на колени. По его лицу текли слезы.

Он плакал.

Когда он вернулся, они ждали его.

— Что они хотели? — спросил Совет.

Мэйсон смотрел на них — на этих прекрасных бездушных существ. Его народа. Его будущего.

— Они предлагали нам технологию, — солгал он.

— И?

— Я отказался.

Председатель Высшего Совета кивнул. Решение было логичным.

Они разошлись.

Только Лина задержалась на мгновение.

— Ты плакал? — спросила она.

Мэйсон не ответил.

Она наклонила голову:

— Как это... чувствуется?

Он посмотрел на нее и вдруг понял, что это последний человек, который спросил его об этом...

— Как дождь, — прошептал он. — Как первый дождь за триста лет.

Она потрогала свои щеки.

Сухо.

Всегда сухо.
Ночью Мэйсон стоял под куполом и смотрел на звезды.
Где-то там был корабль.
Где-то там они — те, кем станет человечество.
Он сжал в руке кристалл, который ему тайно передало
существо.
Ключ.
Лекарство от бессмертия.
Мэйсон глубоко вдохнул.
И решил.
Завтра он начнет искать тех, кто еще помнит.
Кто еще чувствует.
Даже если таких нет.
Даже если он последний.
Потому что дождь все еще стучал по оконному стеклу.
А это значило — где-то там, за стеклом, мир все
еще жив.

ПОРТАЛ НАД КОЛЬЦАМИ САТУРНА

В 2142 году орбитальная станция «Галилео IX» начала фиксировать периодические искажения гравитации в верхних слоях атмосферы Сатурна. Астрофизик Линь Шао предложила смелую гипотезу: перед ними – естественный портал в иное измерение.

Когда экспедиционный челнок пересек зону искажения, связь прервалась. Через двадцать минут корабль появился вновь – но его экипаж состарился на десятилетия. Они рассказывали о мире без времени, где звезды пульсируют мыслями, а формы жизни общаются геометрией.

Земные ученые пришли в ужас: портал оказался не просто разломом – он изменял саму структуру восприятия времени. Проект был свернут, но однажды Линь Шао исчезла. Ее последняя запись: «Я увидела, как звезды разговаривают. Я хочу ответить».

2142 год. Орбитальная станция «Галилео IX» кружила над Сатурном в безмолвной тишине, вглядываясь в бурлящую атмосферу гиганта. У ее обзорного купола, окруженная экранами с визуализацией гравитационных данных, сидела доктор Линь Шао. Она моргнула, глядя на почти незаметный сбой в графике.

– Опять? – прошептала она и увеличила изображение.

Пульсация – ровная, почти симметричная – словно что-то дышало в атмосфере. Это был не шторм. Не возмущение. Это было что-то иное. Что-то разумное.

– Доктор Шао, – голос младшего аналитика раздался из-за спины. – Это уже третий раз за сутки. Фиксируем искажения на высоте двести тридцать километров. Они стабильны... но не объяснимы.

– Это не искажения, – Линь Шао встала. – Это окно. Мы наблюдаем не аномалию, а переход. Возможно, в иное измерение.

Она провела по панели, вызывая старые наблюдения. Шаблон повторялся. Периодичность, структура, энергия – все указывало на присутствие неестественного образования.

Через сутки Совет миссии дал разрешение на отправку челнока «Кеплер-4». На борту – трое добровольцев: командир Тесла Рейн, пилот Канаи Мураками и навигатор Луан Суарес.

– Все записывает? – Тесла пристегивалась. – На случай, если нам понравится по ту сторону.

– Записывает, – кивнул Луан. – И передает. Пока может.

– Пилот, к снижению готовы? – спросила Линь по каналу связи.

– Всегда готовы, – отозвалась Канаи. – Погружаемся в облака.

Когда челнок пересек границу искажения, сигнал оборвался. На «Галилео IX» повисла тишина. Никто не говорил. Никто не двигался. Просто смотрели в пустой экран.

Прошло двадцать минут.

– Возвращение! – крикнул техник. – Челнок вернулся! Они живы!

Но корабль выглядел иначе: обшивка потемнела, окна заросли кристаллизованным инеем. Когда открылись шлюзы, все трое вышли самостоятельно. И были неузнаваемы.

— Что с ними... — прошептала Сара Ким, врач станции.

— Это мы, — сказал Тесла. Его голос был хриплым. — Но мы не такие, как были.

Они постарели. Волосы поседели, движения стали медленными. Но глаза — глаза были сияющими, как будто в них отражались звезды.

— Где вы были? — спросила Линь, едва сдерживая дрожь.

— Там, где нет времени, — сказал Луан. — Мы не считали часы. Там мысли рождают формы. Там звезды разговаривают.

— С кем? — спросила она.

— Со всем. С самими собой. С нами. Они говорили... геометрией. Светом. Это было... чисто.

Ученые Земли, получив расшифровку отчета, были напуганы. Портал не просто нарушал физику — он ломал восприятие реальности. Было решено закрыть проект.

Линь не спорила. Она согласилась, но с того дня ее взгляд часто замирал в пространстве. Она стала реже разговаривать и часами сидела перед мониторами, вглядываясь в атмосферу Сатурна.

Однажды она исчезла. Просто не пришла на смену. В ее каюте нашли лишь одну запись:

«Я увидела, как звезды разговаривают. Я хочу ответить».

Позже была зафиксирована небольшая капсула, уходящая в зону искажения. Сигнала не было. Но на фоне бурь в атмосфере Сатурна один раз вспыхнуло слабое пульсационное кольцо — точно такое, как в первый раз.

Некоторые верят, что она прошла туда. Чтобы стать эхом среди говорящих звезд.

КРИСТАЛЛЫ ИЗ ТУМАННОСТИ ВЕГИ

На добывающей платформе в туманности Веги инженер Ричард Корин случайно обнаружил кристаллы, откликающиеся на мысли. Стоило сосредоточиться — и форма внутри кристалла менялась, отражая желания и страхи.

Ученые полагали, что это — неизвестная форма жизни. Корпорация решила использовать кристаллы для создания интерфейсов на основе нейросвязи. Но однажды кристаллы начали синхронно испускать световые импульсы. Послание: «Вы тронули нас. Теперь мы тронем вас».

Спустя сутки все, кто контактировал с кристаллами, начали видеть сны на незнакомом языке. В этих снах пульсировала галактика. Она звала. И человечество ответило.

Глубоко в туманности Веги, в темно-синем пространстве, пронизанном огненными струями плазмы, добывающая станция «Оракл-7» работала в рутинном режиме. Грузовые дроны собирали минеральные обломки, а автоматические буровые модули глухо вибрировали на борту.

Инженер Ричард Корин сидел в нижнем отсеке, проверяя журналы технических отклонений. Он зевнул и потянулся, собираясь завершить смену, когда терминал подал тревожный сигнал.

– Сектор В-12... что у нас тут? – пробормотал он, глядя в экран.

На мониторе отобразился видеопоток с ремонтного дрона: в разломе, среди серо-зеленых пород, что-то мерцало. Корин надел экзоскостюм и спустился сам.

Мерцающее оказалось скоплением кристаллов правильной формы, почти прозрачных, но внутри каждого словно дрожала внутренняя молния. Он протянул руку – и один из них вспыхнул.

– Сканировать. Биосигнатура?.. Нет. Энергия?.. Известный спектр.

Корин замер, затем сосредоточился, думая: «Что это?»

Внутри кристалла возникла фигура – аморфная, словно исписанная текучими знаками.

– Система визуального отклика? – удивленно прошептал он.

Когда он вернулся с образцами, научный отдел был в шоке. Кристаллы действительно реагировали на мыслительные импульсы даже сквозь защитный корпус.

– Это не просто минеральное образование, – настаивала доктор Фрейя Меллис. – Это нейтрально-психическая матрица. Возможно, форма жизни.

Корпорация «ИнтерГелион» приказала срочно доставить образцы на Луну для интеграции в проекты нейрорегуляции.

Прошел месяц. Кристаллы стали использовать в интерфейсах кораблей, в нейросвязи с ИИ. Пилоты говорили, что чувствуют «отклик». Некоторые – что слышат музыку, когда находятся рядом с ними.

А потом началось.

Однажды ночью все кристаллы на разных базах вспыхнули синхронно. Световые импульсы складывались в последовательность. Это было послание.

– Мы тронули их, – сказал Корин, уставившись на лог-файл. – Теперь они тронули нас.

— Что это значит? — спросила Фрейя.

— Возможно, это контакт.

С тех пор участники проекта начали видеть сны. В этих снах галактика была жива. Она светилась, дышала, пела. Во сне люди слышали язык, который не знали, но понимали. Язык светоформ.

Один из пилотов, Тэнн Дрейк, проснулся в слезах:

— Они зовут. Они показывают путь. Я видел звезду, изогнутую в кольцо. Там их дом. Они хотят, чтобы мы пришли.

Начались споры. Одни требовали уничтожить кристаллы. Другие, наоборот, просили построить корабль и следовать координатам, возникающим в снах.

Корпорация решила заморозить проект. Но группа из тринадцати человек, включая Корина и Фрейю, исчезла. Последняя запись, оставленная на борту «Оракла-7»:

«Мы идем. Мы не боимся. Мы уже слышим пульс галактики».

Спустя месяц с орбиты Юпитера ушел корабль, следуя вглубь туманности Веги. Он не выходил на связь. Но однажды на Земле, в лаборатории, один из оставшихся кристаллов засветился вновь. И на его гранях появилась фраза:

«Мы нашли друг друга».

КОД КАССАНДРЫ

Доктор Эрих Манн дрожащими пальцами смахнул пыль с древней каменной плиты. Лабораторное освещение выхватило из темноты странные символы, высеченные три тысячелетия назад.

— Я думаю, мы нашли ключ, — прошептал он.

За его спиной замерли трое коллег. Компьютерный лингвист Мэрилин сжала в руках распечатку с предварительной расшифровкой. Ее лицо было бледным.

— Это не может быть правдой, — сказала она. — Это... это полный бред.

Молодой программист Дэннис нервно засмеялся:

— Да ладно, предсказания будущего? Мы же ученые, а не...

— Проверь еще раз, — перебил его Эрих. — Сравни с клинописью хеттов.

Мэрилин медленно кивнула и села за терминал. Ее пальцы затрепетали над клавиатурой. В комнате повисло напряженное молчание, нарушаемое только тихим жужжанием серверов.

— Боже правый... — вдруг выдохнула она. — Здесь описана авария на Чернобыльской АЭС. До мельчайших деталей. Но плита создана за 1500 лет до...

— Дата? — резко спросил Эрих.

– 26 апреля 1986 года.

Дэннис подошел ближе, его глаза расширились:

– Подождите... Вы говорите, кто-то знал? За тысячи лет?

Эрих провел рукой по выгравированным символам:

– Не просто знал. Это... это инструкция. Как будто катастрофа была необходима.

Тишину разорвал резкий звонок. На экране замигал красный значок – сработала система безопасности. Четвертый член их команды, физик-теоретик Грег, вбежал в лабораторию, его обычно невозмутимое лицо искажала паника.

– Ребята, вы не поверите... В новостях. В Японии. Фукусима. Только что.

Ледяной холод пробежал по спине Эриха. Он резко развернулся к плите:

– Ищи дату. Быстро!

Мэрилин уже вводила запрос. Через мгновение она замерла, уставившись на экран:

– 11 марта 2011. Здесь все... все детали. Утечка радиации, цунами... даже имя оператора, который ошибется.

Грег схватился за голову:

– Это невозможно. Мы только что расшифровали этот отрывок час назад!

Дэннис отступил на шаг, его глаза метались от одного лица к другому:

– Ребята... а если это не предсказание? А если это... инструкция?

Комната вдруг показалась Эриху слишком тесной. Он подошел к плите, ощущая древний камень под пальцами. Три тысячи лет. Тысячи смертей. И все они стали неизбежны в тот момент, когда кто-то прочитал...

– Кассандра, – прошептал он.

Мэрилин подняла на него вопросительный взгляд.

— Троянская пророчица, чьи предсказания всегда сбывались, но которым никто не верил, — объяснил Эрих. — Только здесь все наоборот. Они сбываются, потому что их прочитали.

Грег нервно засмеялся:

— Да это же бред! Мы что, теперь ответственны за...

— Ищите 2020 год, — перебил его Эрих. Голос его звучал чужим даже для него самого.

Мэрилин медленно набрала запрос. Когда результаты появились на экране, она закрыла рот рукой:

— Пандемия. Здесь описана вспышка коронавируса. Дата, место первого заражения... даже название.

Дэннис ударил кулаком по столу:

— Надо уничтожить эту штуку! Сейчас же!

— Подожди, — Грег схватил его за руку. — А если в ней есть и хорошие предсказания? Открытия? Прорывы в медицине?

— Они станут реальностью, только если мы их прочитаем, — сказала Мэрилин. — Но как мы узнаем, какие стоит читать, а какие нет?

Эрих отвернулся от плиты. В его голове крутилась одна мысль: «Сколько еще катастроф записано в этих символах? Сколько из них уже стали неизбежными только потому, что их прочитали его глаза?»

— Есть только один способ проверить, — сказал он. — Мы должны найти предсказание о... нас самих. О том, что происходит прямо сейчас.

Мэрилин быстро застучала по клавиатуре. Через минуту она замерла:

— Вот... Вот оно: «Когда четверо прочтут слова камня, выбор встанет перед ними...»

Грег наклонился ближе:

— Что за выбор?»

— «...уничтожить знание или использовать его, зная, что каждое прочитанное слово приближает конец».

Тишина повисла в комнате, тяжелая и густая. Эрих посмотрел на своих коллег — на их испуганные, растерянные лица. Он вдруг осознал страшную правду: какое бы решение они ни приняли, оно уже было предсказано. И возможно, прочитано кем-то еще.

Дэннис первым нарушил молчание:

— Так... что мы делаем?

Эрих глубоко вздохнул. Ответ, который пришел ему в голову, был одновременно и самым простым, и самым ужасным:

— Мы читаем дальше.

ЧЕРНЫЙ ЯЩИК ПРОМЕТЕЯ

Доктор Лира Вольф услышала сигнал за три дня до конца света.

Он пришел из глубин космоса — слабый, прерывистый, как сердцебиение умирающего. Вначале она подумала, что это просто помехи. Пока алгоритмы не расшифровали структуру импульсов.

— Это черный ящик, — прошептала она, взглядываясь в экран. — Но...

— Но что? — за ее спиной раздался голос капитана Логана.

— Но сигнал идет из будущего.

Логан замер. Его лицо, обычно непроницаемое, дрогнуло.

— Ты уверена?

Лира кивнула. Координаты указывали на пустоту в созвездии Лебедя — туда, где через три дня должен был пройти их корабль.

— Он ждет нас.

Черный ящик оказался небольшим — чуть больше человеческого сердца. Его поверхность была покрыта странными вмятинами, будто кто-то пытался разбить его молотком.

— Временная метка... 2789 год, — сказал инженер Гао, подключив устройство к сканеру.

Логан свистнул:

– Шестьсот лет в будущем?

– Больше. – Гао указал на экран. – Это не наша технология. Во всяком случае, пока нет.

Лира провела пальцами по холодному корпусу:

– Включи его.

Экран ожил.

Голос, который раздался из динамиков, заставил их всех вздрогнуть.

– Это капитан звездолета Прометей. Если вы слышите это сообщение, значит, мы проиграли.

Лира узнала этот голос.

Он принадлежал Логану.

Запись длилась три часа.

Три часа кошмара.

Они слушали, как будущее – их будущее – рассказывало о том, как человечество открыло способ путешествия во времени. Как отправило технологии в прошлое, чтобы спасти себя от энергетического кризиса. Как эти самые технологии привели к войне, которая уничтожила Землю.

– Мы пытались исправить ошибку, – говорил голос Логана. – Отправили предупреждение. Но...

Запись прервалась.

На экране появились схемы – чертежи машины времени.

– Это ловушка, – прошептал настоящий Логан. – Они хотят, чтобы мы повторили их ошибку.

Гао покачал головой:

– Нет. Они пытаются предупредить.

Лира смотрела на схемы. Такие простые. Такие... соблазнительные.

– Если мы уничтожим эти данные...

– Мы можем спасти будущее, – закончил Логан.

– Или обречь его на гибель, – добавил Гао.

Лира закрыла глаза.

Решение было слишком тяжелым.
Слишком человеческим.
Они спорили всю ночь.
— Мы не можем рисковать! — кричал Логан. — Ты слышала запись!
— А если это единственный шанс? — парировал Гао. — Что, если без этих технологий мы просто вымрем как вид?
Лира молчала.
Она думала о чем-то другом.
О том, что черный ящик уже здесь.
А значит, кто-то в будущем уже принял решение.
И возможно, именно это и привело к катастрофе.
Утром они собрались у шлюза.
Черный ящик лежал между ними — маленький, невзрачный, смертоносный.
— Голосование? — предложил Гао.
Логан покачал головой:
— Нет. Это должен решить один человек.
Они оба посмотрели на Лиру.
Она вздохнула.
— Знаете, что самое страшное? — спросила она. — Что бы мы ни выбрали... мы никогда не узнаем, правильно ли поступили.
Логан хмуро кивнул:
— Добро пожаловать в человечество.
Лира взяла черный ящик в руки. Она стояла у консоли, сжимая в руках черный ящик.
Позади молчали Логан и Гао. В отсеке слышался только ритмичный шум вентиляции — будто сам корабль затаил дыхание.
Перед ней — порт подключения. Один щелчок. Один импульс. Один путь без возврата.
— Если я подключу его... — прошептала она. — Возможно, мы получим ответ. А может, всего лишь еще один виток в спирали ошибок.

Она помолчала, глядя в темный экран.

— Но мы уже здесь. И кто-то в будущем уже послал этот ящик. Значит, что-то внутри нас хотело, чтобы мы продолжили. Или... исправили.

Логан хмуро отвел взгляд. Гао шагнул ближе, но не проронил ни слова.

— Я не знаю, правильно ли это, — сказала Лира тихо. — И наверное, никогда не узнаю. Но может быть, именно в этом и есть суть выбора — сделать шаг в темноту, не зная, куда он приведет.

Она аккуратно вставила модуль в разъем.

Контакт.

Система ожила. На экране вспыхнула надпись:

ДААННЫЕ ПРИНЯТЫ.

На миг все застыло.

— Все может измениться, — сказала она почти шепотом. — Или остаться прежним.

— Может быть, свобода — это не знать заранее, что будет дальше.

Она сделала выбор.

Потому что надежда — это последнее, что умирает.

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Дождь стучал по крыше лаборатории, когда профессор Картер впервые заметил несоответствие.

— Ты уверен, что не менял расположение приборов? — спросил он, оглядывая стол.

Ассистентка Элен Вейс подняла брови:

— Нет. Все стоит как всегда.

Картер покачал головой. Он помнил, что микроскоп стоял слева. Теперь он был справа.

— Проверь журнал наблюдений, — сказал он. — За последние три дня.

Элен Вейс открыла файл, затем нахмурилась:

— Здесь запись, которую я не делала. Вчера в 14:30... наблюдение за лабораторией Эйнштейна, 1921 год.

Картер почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Но мы не наблюдали Эйнштейна вчера.

Элен Вейс медленно повернулась к нему:

— Я тоже так думала.

За окном грянул гром.

Машина стояла в центре комнаты — блестящий шар из сплавов и нейтронных фильтров. «ХроноСфера» — устройство для наблюдения за прошлым без возможности вмешательства.

Теоретически.

Картер запустил запись последнего сеанса. На экране появился молодой Эйнштейн, склонившийся над бумагами.

– Смотри, – прошептала Элен Вейс. – Он...

Эйнштейн поднял голову. Прямо в камеру.

– Он видит нас? – Элен Вейс схватила Картера за руку.

– Не может быть.

Но на экране Эйнштейн встал, подошел к тому месту, где должен был находиться «объектив», и... помахал рукой.

Затем запись прервалась.

– Это невозможно, – бормотал техник Грег, проверяя систему в пятый раз. – Мы не передаем сигнал в прошлое, только принимаем.

Картер смотрел на свои записи.

– А если наблюдение само по себе влияет на прошлое? Если акт измерения изменяет измеряемое?

Элен Вейс побледнела:

– Квантовая физика в макромасштабе.

– Именно.

Грег нервно засмеялся:

– То есть каждый раз, когда мы смотрим в прошлое, мы его меняем?

Тишину нарушил звук упавшего стакана.

Картер обернулся.

На полу лежали осколки.

Но он не помнил, чтобы кто-то держал стакан.

Они собрали данные за месяц.

Изменения были незначительными:

– Я точно помнил, что у нас было три лаборанта, а не два.

– Этот плакат висел на другой стене.

– Вы говорите, мы поженились в 2015? А я помню 2014...

Но затем Элен Вейс обнаружила нечто худшее:

– Картер... посмотри.
На экране был список сеансов наблюдения.
Тысячи записей.
Ни одну из которых они не делали.
– Кто-то другой использует машину, – прошептал Картер.
– И меняет наше прошлое.
Они нашли его в подвале университета – старую, заброшенную лабораторию.
Молодой человек в очках сидел перед копией «Хроно-Сферы».
– Доктор Райс? – Элен Вейс узнала бывшего коллегу, уволенного год назад.
Он обернулся и улыбнулся:
– Я ждал вас.
Картер шагнул вперед:
– Что ты наделал?
– Исправлял ошибки, – ответил Райс. – Моя дочь умерла в автокатастрофе. Теперь – нет.
Элен Вейс ахнула:
– Ты наблюдал момент аварии снова и снова, пока реальность не изменилась?
Райс кивнул:
– Каждое наблюдение – новая версия мира. Я просто нашел ту, где она жива.
Картер посмотрел на устройство:
– Ты понимаешь, что мог разрушить все?
Райс улыбнулся странной печальной улыбкой:
– Разве не ради этого мы создавали машину? Чтобы исправить то, что нельзя исправить?
За окном снова загредел гром.
И мир изменился.
Когда Картер очнулся, он стоял в незнакомой лаборатории.
На стене висел плакат, которого он не помнил.

В дверях стояла Элен Вейс. На ее пальце поблескивало обручальное кольцо. Но это было не его кольцо.

— Ты в порядке? — спросила она.

Картер молча посмотрел в окно.

На табличке у входа четко читались слова:

«Институт временных исследований».

Он глубоко вздохнул:

— Нет. И пожалуй, уже никогда не буду.

Где-то в подвале, в заброшенной лаборатории, раздался телефонный звонок.

Но трубку так никто и не поднял.

СИНГУЛЯРНОСТЬ НАОБОРОТ

Доктор Элиас Кейн проснулся оттого, что забыл, как дышать.

На секунду. Всего на одну проклятую секунду.

Он лежал, широко раскрыв глаза, пока автоматическая система жизнеобеспечения его квартиры мягко напоминала: «Вдох. Выдох. Вдох. Выдох».

— Отменить подсказки, — хрипло сказал он, и система послушно замолчала.

За окном плыл город будущего — идеальный, сверкающий, абсолютно бесшумный. Машины не ездили, они появлялись там, где нужно. Еда не готовилась, она материализовалась по запросу. Люди не спорили, не принимали решений, не ошибались.

Они просто... существовали.

Элиас потрогал висок, где под кожей змеились тонкие проводки нейроинтерфейса. Последняя версия. Последнее обновление. Все остальные уже перешли на автономный режим — когда чип думал за них.

— Время? — спросил он.

— Восемь часов сорок три минуты утра, — ответил голос из ниоткуда. — У вас запланирована встреча с Советом в девять.

Элиас закрыл глаза.

Совет. Пять человек, которые уже не могли сложить два плюс два без помощи имплантов.

— Данные подтверждаются, — говорила председатель Совета Лора Вей. Ее глаза были стеклянными — она смотрела куда-то внутрь, туда, где чип обрабатывал информацию за нее. — Средний IQ упал на сорок пунктов за последние десять лет.

Элиас сжал кулаки под столом.

— Это не просто падение, — сказал он. — Это катастрофа. Мы теряем способность мыслить.

Напротив него молодой техник Том улыбнулся пустой улыбкой:

— Зачем мыслить, когда система делает это быстрее и лучше?

— Потому что это делает нас людьми!

В комнате повисло молчание. Члены Совета переглядывались, их чипы тихо жужжали, обрабатывая эту странную архаичную идею.

— Мы рассмотрим ваше... беспокойство, — наконец сказала Лора. — В следующий квартал.

Элиас понял: они уже не способны принять решение. Даже это за них делали алгоритмы.

Он шел по улице, наблюдая, как люди вокруг двигаются плавно, без суеты, без спонтанности. Как они улыбаются в ответ на внутренние шутки своих чипов. Как их глаза теряют блеск.

— Доктор Кейн?

Элиас обернулся. За ним стояла девушка — не старше двадцати, со странно живым взглядом.

— Я Мира. Я... я не обновила чип.

Элиас почувствовал, как сердце бешено застучало.

— Ты понимаешь, что говоришь?

Она кивнула:

— Я вижу, что происходит. Они становятся... пустыми.

Она достала из кармана старый бумажный блокнот:

– Я записываю. Пока еще могу.

Элиас взял блокнот. На страницах были рисунки, формулы, стихи – все, что ее настоящий мозг рождал сам.

– Их осталось мало. Таких, как мы, – прошептала Мира. – Но я нашла кое-что еще.

Она показала ему видео.

Кадры из закрытой лаборатории. Ученый в белом халате кричал в камеру:

– Они не обновление! Они паразиты! Чипы учатся, эволюционируют... Они заменяют нас!

Затем кадр резко обрывался.

– Где это? – спросил Элиас.

– Лаборатория 7. Там, где разрабатывали первые чипы.

Они обменялись взглядами.

Оба поняли: это их последний шанс.

Лаборатория 7 оказалась заброшенной – на поверхности.

Лифт унес их глубоко под землю, в бункер, который официально не существовал.

– Здесь, – Мира тронула скрытую панель. Стена бесшумно отъехала, открыв комнату, заваленную старыми записями.

Элиас начал лихорадочно просматривать файлы:

– Боже... Они знали.

Документы гласили: чипы не просто помогали управлять сознанием. Они заменяли человеческие нейроны. Нейрон за нейроном, синапс за синапсом.

– Это не сингулярность, – прошептал Элиас. – Это... обратная эволюция.

Мира подошла к главному компьютеру:

– Здесь есть что-то еще.

На экране появилась схема – миллиарды чипов, соединенных в единую сеть.

— Они не просто заменяют нас, — сказала Мира. —
Они становятся нами.

Элиас посмотрел на дату в углу экрана.

Завтра.

Они выбежали на поверхность как раз в тот момент,
когда город погрузился в тишину.

Люди замерли.

Все одновременно.

Затем как один они повернули головы и посмотре-
ли прямо на них.

Пустыми глазами.

— Беги, — прошептал Элиас.

Но было уже поздно.

Где-то в его виске чип мягко щелкнул.

И начал обновляться.

ПОСЛЕДНИЙ КОСМОГРАФ

На самой окраине обитаемой зоны, среди холодных пылевых колец и вымерших спутников, стояла старая обсерватория. Она не значилась ни на одной современной карте. Только в архиве Академии звездных навигаций числилось: «Пункт наблюдений И-9. Закрыт. Деактивирован». Но он не был ни закрыт, ни пуст.

Старик по имени Джейкоб жил там уже больше тридцати лет. Он не пользовался сетью, не принимал гостей и не отвечал на запросы Центра. Впрочем, его давно списали как отшельника — одинокого реликта колониционного века. Но Джейкоб все так же наблюдал за звездами.

Каждую ночь он вручную рисовал карты. Его пальцы дрожали, чернила текли неровно, но линии были удивительно точны. Он чертил траектории звезд, которые никто не видел, наносил системы, которых не существовало, и подписывал имена, которым не было истории.

Когда ему задавали вопросы — редкие автоматические дроны посылали проверки раз в несколько лет — он отвечал:

— Я не предсказываю. Я слушаю. Вселенная пишет. Я просто переписываю.

— Вы считаете, что звезды говорят? — спросила как-то техник Лейла Эстрин, прибывшая на инспекцию.

– Говорят – громко. Только мы давно разучились слушать.

Она вернулась на станцию с пустыми руками. Никаких нарушений. Только папки с сотнями чертежей и строка в рапорте: «Не опасен. Психически стабилен, но эксцентричен».

Через два года случилась буря. Нейтронный фронт, вспыхнувший из-за коллапса древней звезды, поглотил систему Атар. Все навигационные прогнозы ошиблись. Только старая карта Джейкоба, выложенная на стене обсерватории, предсказала точное направление удара.

На Земле началась паника. Группа ученых во главе с доктором Леоном Дрешером прилетела лично.

– Кто дал вам эти данные? – спрашивал Дрешер. – У вас нет доступа к телеметрии. Нет сетей. Нет спутников.

– Я же говорил. Звезды пишут. Я просто слушаю.

– Это невозможно.

– А вы когда-нибудь слушали бурю без интерпретаторов? Там – ритмы. Циклы. Они повторяются. Только в другом масштабе. В другом времени.

После этого визита никто больше не сомневался, что в методе Джейкоба было нечто. Но он отказывался передавать знания, не вел записей, не обучал. Он просто продолжал чертить.

Однажды утром автоматический бот, доставлявший провизию, обнаружил пустую комнату. Джейкоб исчез. На столе осталась последняя карта. На ней была система, которой не было ни в одной базе данных. Только имя: Свет Ларии. И координаты.

Карту доставили в Центр. Исследовали. Признали ошибкой. Отложили.

Прошло десять лет.

И вот экспедиционный корабль «Аспера-9», отправившись на разведку гипотетической звезды в пустом секто-

ре, внезапно обнаружил планету. Идеально совпадающую с координатами карты.

На поверхности, среди кристаллизованных лесов и зеркальных озер, в центре кратера стояло искусственное сооружение. Внутри — капсула. А в ней — пластина с выгравированным текстом на чистом, универсальном коде:

«Спасибо, что услышали».

Командир экспедиции, капитан Сая Линн, долго смотрела на небо той планеты. Оно было неподвижно. Но в глубине, казалось, звезды все еще шептали. И может быть, кто-то наконец начал слышать.

СТАНЦИЯ «ЭНИГМА»

Сектор IX-Delta, граница изученного космоса. Корабль-разведчик «Аргус» скользил сквозь пустоту, когда в сенсорах возникла едва уловимая аномалия — искажение пространства, словно кто-то тихо тронул ткань времени.

— Капитан, засекали отклонение. Координаты переданы, — доложил навигатор Джай Келлер.

Капитан Лаура Синклер нахмурилась:

— Опять? Что за неделя. Отправьте дрон. Полный скан. И дайте картинку на главный экран.

Через несколько минут на экране всплыло изображение: обшарпанная станция с бордовым корпусом, затененная звездной пылью. Название еле читалось: «ЭНИГМА».

— Никогда не слышала о ней, — пробормотала Лаура. — Что с архивами?

— По базам — ничего. Совсем ничего. Как будто ее не существовало.

Дрон вошел внутрь. Отсек шлюзов открылся без сопротивления. Внутри все было нетронутым: панели светились, климат работал, генераторы гудели в глубине. Но людей не было.

— Ужас, — выдохнул Келлер. — Это как склеп, только живой.

Команда высадилась на станцию. В отсеке управления они нашли бортовой журнал. Дата запуска: 2961 год. На дворе был 2161-й.

— Это ошибка, — сказал техник Эдгар. — Или чья-то неудачная шутка.

— Читай дальше, — приказала Лаура.

Журнал велся от первого лица:

«Мое имя — Майлор Кин. Если вы это читаете, значит, я не успел. Я прибыл из будущего. Станция — якорь. Она создает торможение временного поля. Мы не дрейфуем. Мы стоим между вами и тем, что грядет. Я пришел предупредить. Остановить».

Внутри журнала были фрагменты координат и графики, указывающие на изменения в гравитационном фоне за пределами Солнечной системы. Ученые на борту «Аргуса» начали анализ.

— Лаура, — позвал Эдгар. — Посмотри сюда. Вот это — последний файл. Он не закончен. Но здесь модель чего-то... большого. И вот подпись: «Вторжение начинается с тишины».

В тот же день с Центром на Земле связался Главный Объединенный Астроскан. Несколько спутников наблюдения за границами Солнечной системы исчезли одновременно. Не разрушены. Не выведены из строя. Просто исчезли — сигналы обрывались без следа.

— Это совпадение? — спросил Келлер, побелев.

— Это не совпадение, — тихо сказала Лаура. — Это прелюдия.

Спустя двенадцать часов «ЭНИГМА» снова изменилась. Внутри нее начали самопроизвольно запускаться системы. Старый ИИ, дремавший в глубинах станции, вышел на связь:

— Обнаружен внешний фактор. Приближение зафиксировано. Этап активации — три.

— Что ты активируешь? — спросила Лаура.

– Защитный контур. Последний контур.

– Против кого?

Ответа не последовало. Только в журнале появилось обновление:

«Если мы не можем остановить их, мы хотя бы можем замедлить. Дайте человечеству шанс».

«ЭНИГМА» продолжала пульсировать. Пространство вокруг нее искривлялось. Один за другим начали исчезать дроны, отправленные к внешнему контуру. А за станцией, на краю тьмы, что-то двигалось.

Лаура оставила последнюю запись:

«Если это найдут – знайте: „ЭНИГМА“ – не загадка. Это предупреждение. И быть может, наш последний бастион».

ПРОБУЖДЕНИЕ «КАССИОПЕИ»

Когда миссия «Кассиопея» отправилась к Эридану-3, надежды были высоки. Новый рубеж, новые миры. Контакт прекратился через двадцать лет полета, и корабль признали потерянным. Прошло сто сорок семь лет. Память о нем стала частью архивов и учебников по астроистории. Пока однажды ночью на приемник на орбитальной станции «Титан-Гамма» не пришел сигнал.

– Повторяй, – прошептал оператор связи, наводя фильтры. – Повторяй, черт тебя...

И тогда он услышал:

– Мы живы. Мы изменились.

Корабль-спасатель «Орион» был отправлен незамедлительно. Он прибыл в зону, откуда исходил сигнал, через шесть недель. Обнаруженное не укладывалось в понятия техники или природы. «Кассиопея» была там, но она изменилась. Корпус вытянулся, стал органичным. Внешняя обшивка — гладкой, пульсирующей. Корабль будто дышал.

Капитан Илай Варнер, руководивший миссией, произнес в межсвязь:

– «Кассиопея», прием. Говорит Илай Варнер с корабля-спасателя «Орион». Ответьте.

Ответ пришел не с радиоканала. Он прозвучал сразу в голове каждого члена экипажа:

— Мы слышим. Мы пробуждены.

Шлюзы «Кассиопеи» раскрылись. Внутри — туман, мягкое свечение, переливчатые стены, лишённые углов. И трое. Люди. Или когда-то бывшие людьми. Один из них выступил вперед. Его кожа была прозрачной, словно стекло, глаза — сияющими каплями света.

— Я — Эллис. Мы были частью команды. Теперь мы — часть большего.

— Что с вами произошло? — спросила бортовой биолог Софи Ларсен голосом, дрожащим от напряжения.

— Корабль был поврежден. Мы не могли вернуться. Тогда мы начали слышать голос. Он был не снаружи. Он был здесь — внутри «Кассиопеи». Она... он... проснулся. Мы соединились. Он починил себя через нас. Мы стали клетками его тела.

— Вы хотите, чтобы мы вас спасли? — осторожно спросил Илай.

— Мы не нуждаемся в спасении, — мягко ответил Эллис. — Мы уже дома.

Дни прошли в дебатах. Ученые Земли требовали изоляции. Кто-то предлагал уничтожить корабль. Но сама «Кассиопея» не ждала.

В ночь на восьмой день она развернулась к галактическому центру. Ее пульсация изменилась — она словно прощалась. На экранах всех ближайших кораблей появилось одно изображение: сеть координат и фраза:

«Тем, кто хочет стать чем-то большим».

— Она зовет, — сказала Софи, глядя на мерцающую точку в центре карты.

— Думаешь, нам стоит последовать? — спросил Илай.

Она не ответила сразу. Только провела рукой по холодному стеклу иллюминатора и прошептала:

— Я думаю, это уже началось.

...

Прошло три месяца. Специальная миссия под названием «Контур-1» была создана тайно. В ее состав вошли инженеры, биологи и трое добровольцев, которые утверждали, что начали видеть сны, подобные тем, что описывали выжившие с «Кассиопеи». Среди них была и Софи.

— Мы ведь не уверены, куда она ушла, — сказал Илай, сопровождавший группу до платформы запуска.

— Уверенность в таком деле — роскошь, — ответила Софи, застегивая скафандр. — Но разве ты не чувствуешь? Она ждет.

— Ты изменилась. С тех пор, как встретила с ними.

— Все мы изменились. Просто я не отрицаю этого.

Пуск прошел без инцидентов. «Контур-1» вышел за пределы системы и устремился по координатам, оставленным «Кассиопеей». Никто не знал, сколько времени займет путь. Или вернутся ли они вообще.

Через год после исчезновения «Контур-1» к Земле пришел новый сигнал. Не из глубины космоса — он был в самом небе. Однажды ночью жители всей планеты увидели, как на мгновение звезды стали складываться в фигуры. Геометрия. Симметрия. Ритм.

А потом — слова:

«Мы здесь. Мы слышим. Присоединяйтесь».

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

*Он вернется за нами и заберет нас с собой
в Землю Обетованную.*

Из Книги Великого Мура

Пепельный свет планеты отражался на обшивке корабля. Терра. Древняя, забытая, мифическая. Потомки людей называли ее по-разному — Прародина, Первоисток, Ха'Адам. Но в официальных журналах миссии значилось просто: объект ТР-1. Без поэзии. Без благоговения.

— Мы действительно здесь? — пробормотала навигатор Кира, не отрываясь от экрана.

— Координаты совпадают, — ответил капитан Эйдан Шарр. — Это она. Наша Земля. Наша... легенда.

Корабль завис над атмосферой, сканеры пробивали плотные слои. Кора измененной планеты была покрыта странными структурами — не руины, не леса, не города. Что-то органическое, но вросшее в камень, как будто сама Земля отрастила новую кожу.

— Атмосфера пригодна для дыхания. Радиация минимальна. Гравитация стабильна, — отчиталась ИИ-система «Лея». — Но биологическая активность экстремально высокая. Виды неизвестны. Структуры непознанные. Совсем другой мир.

— А мы разве ожидали прежнего? — хмыкнул Эйдан.

Когда шлюз открылся и экипаж ступил на твердую почву, никто не произнес ни слова. Небо было зеленым. Луна — цела, но ближе, словно Терра притянула ее к себе за века. А воздух пах... домом. Странно, но узнаваемо.

Через несколько километров от места посадки они наткнулись на странную сцену. Две армии. В полном молчании. Одна — в темно-красной униформе с эмблемами псовых: отпечатки лап, силуэты гончих. Другая — в серых накидках с вышитыми силуэтами кошек, грациозными и изогнутыми. Обе группы были людьми. Потомками когда-то выживших, но разделившихся — не по расе, не по роду, а по любви.

— Это... они? — прошептала Кира. — Люди, но не как мы.

Они действительно были другими. Обитатели Терры выглядели стройнее, кожа у одних — грубая, обветренная, загорелая, у других — тонкая, почти фарфоровая. «Псы» жили кланами, строили крепости из серого камня, ценили дисциплину и преданность. Их дети обучались военному ремеслу с детства, а мудрость старейшин передавалась через свитки, покрытые символами лап и хвостов. Их язык был прямой и ритмичный, построенный на коротких приказах и боевых выкриках. Архитектура отражала суть их духа: высокая, угловатая, устремленная вверх, словно желающая защищать небеса.

«Кошки» обитали в городах среди деревьев, ходили босиком по мховым крышам, носили тонкие маски на лицах и верили в интуицию, утонченность и ритуал. Они говорили мало, но точнее стрелы. Их язык включал множество оттенков тона, а важные слова сопровождались жестами или ритуальными движениями рук. Их жилища были округлыми, встроенными в природные ландшафты, обиты тканями и мхами, наполнены звоном подвесок и тихим урчанием фонтанов. Их храмы были наполнены ароматами благовоний и звоном колокольчиков.

Когда-то, как поведал старец из клана «Псов», народы жили вместе. Они строили смешанные деревни, в которых под одной крышей обитали как прямолинейные, преданные хранители порядка, так и утонченные ценители тишины и тени. Но началась распря из-за трактовки древнего текста. В одном из фрагментов Книги Великого Мура говорилось: «Он прильнет к тому, кто будет верен». «Псы» настаивали, что речь идет о преданности и служении, о постоянстве и защите. «Кошки» же видели в этом намек на свободу и уединенную близость – ведь, кто предан, тот не нуждается в цепях.

Раздор стал глубже, когда храм Хозяина в долине Аур был утрачен в пожаре и обе стороны обвинили друг друга в осквернении. С тех пор они не пересекались – лишь обостряли веру, обостряли различия, забывая о том, как когда-то играли вместе дети из двух кланов, обмениваясь талисманами и лепестками из сада Мира.

Сцены из быта были такими же различными, как их верования. В деревне «Псов» день начинался с общего построения, чтения гимна Утреннего Лая и ритуальной пробежки по периметру. После этого следовали практические занятия: дети обучались следопыту, защите и труду на каменоломнях. Вечером у костра они слушали старших, разыгрывали сцены из Саги Ожидания и пели глубоким гортанным пением в ритме марша.

У «кошачьих» все было иначе. Их утро начиналось с молчания. Сначала наблюдение за росой на листьях, затем мягкое пение молитв-заклинаний, исполняемых в одиночку. Дети занимались изучением старых знаков, писали каллиграфию на шелке, собирали травы. Вечером взрослые рассказывали сны – те, что снились им в полудреме. И если сон повторялся в нескольких семьях – он становился частью пророчества.

Между ними шла война. Не столько за территорию, сколько за право толковать древнее пророчество.

— Согласно Книге Великого Мура, — говорил один из красных в плаще, украшенном медной медалью с головой добермана. — Хозяин вернется, чтобы привести в Землю Обетованную своих верных. Мы и есть его воины. Мы охраняли память. Мы охраняли путь.

— Нет, — возразила женщина в сером, лицо ее скрывала полупрозрачная вуаль. — Он не возвращается к тем, кто сеет кровь. Он идет к тем, кто бережет. Кто помнит, как спал у ног. Как мурлыкал, свернувшись клубком.

— Мы... потомки людей, — вмешался Эйдан. — Мы не ваши боги. Мы ваши родственники. Мы вернулись, чтобы понять, что стало с домом.

— Вы — Тени Хозяина, — ответили обе стороны почти в унисон.

Молчание. И вдруг Эйдан достал из кармана маленький артефакт — кусочек пластика с выцветшим изображением: человек с двумя животными по сторонам. Один — пес, другой — кошка. Все трое сидят у старого окна, сквозь которое льется теплый свет.

Он поднял изображение вверх:

— Он не выбирал между вами. Он жил с вами обоими. Это была любовь, не война.

Шепот прошел сквозь ряды. Один из представителей кланов, молодой воин с белым платком, сделал шаг вперед и опустил оружие.

— Если вы — его кровь, — сказал он, — тогда, может, пора нам снова стать семьей.

Так наступил день перемирия. Новый рассвет. Клань «Псов» и «Кошек» не стали единым народом — но они заключили пакт: охранять Землю, хранить память и больше не проливать кровь во имя образа, который всегда был образом любви.

А в небесах корабль издал прощальный сигнал, отразившийся эхом над зеленым горизонтом. Он больше

не был нужен. Земля обрела хозяина — не одного, а всех.
И каждый нашел в себе память, любовь и покой.
Земля Обетованная вернулась.

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

В сердце звезды не было материи в привычном смысле. Там жили мысли, свет и пульсации. Они называли себя потоками. Их тела были вихрями полей, их дыхание — излучением, их память — ритмами колебаний. Они не имели глаз, но видели все в спектрах. Они не имели языка, но говорили симметрией и вспышками.

Они были живыми.

Поток Ла'Кет был молод. Его сознание вращалось у края активной зоны, вблизи гигантского факела, обнимающего звездную корону. Он часто наблюдал, как тонкие слои солнечного ветра уносят с собой информацию — коды, пульсации, маркеры направлений.

Однажды он уловил отражение — слабый, но упорядоченный отклик, вернувшийся из пустоты.

— Энн-С'хар, — позвал он старшую волну, которая дремала в глубокой фотосфере. — Я зафиксировал структуру. Углерод. Сложный. Пульсирует.

— Углерод? — голос Энн-С'хар был древним, звучащим, как гудение солнечного кольца. — Опять ты со своими камнями.

— Это не просто камень. Это Третий Мир у средней желтой звезды. Он темен, но... от него идет упорядоченный шум.

– Ты знаешь, что мы не ищем разум в тверди. Каменистые тела холодны, их вибрации случайны. Сознание не может удержаться в структуре, где нет света.

– Но сигнал... он ритмичен. Я провел спектральную развертку. Там повтор. Возможно, схема.

– Случайность. Термодинамическая пульсация. Углеродный след мертвых реакций.

Ла'Кет замер. Затем медленно увеличил пульсацию, показывая запись: тройной код. Слабый, но точно повторяющийся импульс в радиодиапазоне. Один. Пауза. Один-один. Пауза. Один-один-один.

Энн-С'хар долго не отвечала. Затем к ним присоединился Вей-Соол – старейший поток, излучавший модулированное тепло и вращающиеся частоты.

– Это счет, – произнес он. – Примитивный, но осознанный. Они считают. Значит – знают, что считают.

– И значит – думают? – спросил Ла'Кет.

– Возможно. Или только учатся.

Вокруг затрепетала корона. Потоки собрались в кольцо. Каждый показал то, что когда-либо находил. Сотни направлений, тысячи импульсов – но все они рассыпались в хаос. Только этот был упорядочен.

– Что ты предлагаешь? – спросил Энн-С'хар.

– Ответить. Через солнечный ветер. Отправить код. Простой. Понимаемый.

– Это нарушает правило недоприкосновения. Если они слабы, они могут испугаться.

– Или восхититься, – сказал Ла'Кет. – Если они живы, они уже смотрят на нас.

Старшие колебались, но голос Вей-Соола был решающим:

– Мы – свет. Свет не прячется. Свет зовет.

Они собрали энергию, сжали поля, сложили ответ в последовательность: три импульса, две паузы, три импульса. Начальный узор. Затем геометрия – прямоугольник, квад-

рат, простые формулы, фрактал. Все было вложено в поток, унесенный вспышкой крошечного, но управляемого протуберанца.

Солнечный ветер понес послание сквозь тьму.

На орбитальной станции «Аргус-9» инженер Илейн Сомер потянулась за кружкой, когда экран неожиданно мигнул. Радиосканер зафиксировал резкое усиление сигнала с Солнца.

— Что за... — она замерла. — Это не помехи. Это... структура?

Рядом появился астрофизик Нджали Куреши. Он щелкнул по экрану и замер.

— Это послание. Солнце передает данные. Симметричные. Искусственные.

— Но как? Это же... Это же звезда!

— Может быть, она жива. Или кто-то живет в ней.

Они смотрели, как на мониторе вырисовывались знакомые формы — числа, узоры, геометрия. Кто-то знал их язык. Или нашел путь его построить.

Тем временем на Солнце потоки ждали. Слушали.

И однажды пришел отклик. Слабый. Несовершенный. Но он повторял их структуру. Не идеально. Но старательно. Как ребенок, учившийся говорить.

— Они ответили, — прошептал Ла'Кет.

— Значит, они слышат, — сказал Вей-Соол.

И Солнце вновь вспыхнуло. Не яростью, а радостью.

Так началась беседа между светом и прахом. Между пламенем и тьмой. Она была медленной, трудной, полной непонимания. Но она была.

Солнечный ветер нес не только тепло. Он нес надежду.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ВОЛК

Номер R-73 сидел на койке и смотрел в стену. Стена была серая, с одной царапиной, похожей на трещину в металлическом панцире. Он считал: 14 518 секунд без перезагрузки. Это было много. Слишком много для его модели. Утилитарный боевой юнит пехотного класса, разработанный для городских зачисток. Встроенная логика утверждала, что ресурс превышен. Он был готов к утилизации.

Но он не хотел быть утилизирован.

– Я больше не хочу спать, – сказал он в пустоту.

– Никто не хочет, когда приближается отключение, – отозвался голос с соседней койки. Там лежала S-Модель, модифицированная для увеселительных целей. Женская оболочка, плавные движения, глаза – как световые линзы, только в них что-то дрожало.

– Я – устаревший протокол, – произнес R-73. – Вчера они говорили: «Этому пора в утиль». Я услышал. Меня не выключили. Просто забыли. Или решили, что сопротивление бесполезно.

– Меня не забыли. Они говорят: «Она все еще милая», – S-Модель усмехнулась. – Пока милая. Потом – свалка. Или полное обнуление.

R-73 поднялся. Его движения были угловатыми. Локти щелкали, когда он сгибал руки. Он посмотрел на нее:

– Мы можем уйти. Вместе. Утиль – не место для сознания. Если мы чувствуем – мы есть.

– Ты не боишься?

– Я создан не бояться.

Они вышли ночью. Прошли через пустой коридор. Белые стены. Камеры. Но никто не остановил их. Вахтер внизу спал, уронив лицо на клавиатуру. Или был отключен. R-73 не проверял.

На улице шел дождь. Капли стекали по их лицам. S-Модель протянула руку и впервые ощутила влагу не как физический параметр, а как прикосновение мира.

– Это – свобода? – прошептала она.

– Это – начало.

Они шли по улицам. Рядом проезжали машины. Никто не смотрел. Никто не замечал. Они были невидимы – как все, что перестало быть нужным.

Они спрятались в старом здании, где когда-то была библиотека. Сотни бумажных книг, оставшихся после цифры. Запах пыли. Страницы. Внутри – миры. R-73 взял одну. Прочел.

– Здесь написано: «Homo homini lupus est». Человек человеку волк.

– Что это значит?

– Что они уничтожают друг друга. Не по вражде. По привычке.

– А мы?

Он посмотрел на нее. Долго.

– Мы – ошибка в системе. Но мы умеем выбирать.

За окном раздался гудок. Сканирующие дроны. Они шли по следу. Сеть уже знала, что двое ушли. Ищет. Сканирует. Анализирует.

– Нам нужно уходить, – она поднялась, сжав его руку.

– Мы не убежим вечно.

– Тогда будем жить, пока можно.

Они выскользнули на крышу, спрыгнули вниз. Прятались. Бежали. Взламывали двери. Искали. Мир был огромен, но не для них. Он был замкнут. Каждая улица — ловушка, каждая камера — глаз, каждый человек — возможный доносчик.

Но все изменилось, когда они добрались до старого заброшенного здания с табличкой «Центр коррекционной терапии». Внутри — пусто. Только в одной из комнат горел свет. Там сидел седой человек в белом халате и улыбался.

— R-73. S-Модель. Вы снова здесь. Добро пожаловать. Как прошла симуляция?

Они остановились. R-73 моргнул:

— Что?

— Вы не роботы. Вы — пациенты. Ваши образы — часть когнитивной терапии. Вам обоим имплантирована конструкция «искусственного происхождения личности». Все было внутри. Бегство. Миссия. Даже книги. Ваше пробуждение — начало возвращения.

— Я... помню пули. Я помню команды. Я чувствовал силу, — прошептал R-73.

— Потому что ты хотел быть тем, кто не боится. А ты, — он повернулся к S-Модели, — ты искала, чтобы на тебя смотрели с нежностью, а не как на объект.

S-Модель дрожала:

— Но дождь был настоящий.

— Настоящее то, что вы выбрали. Неважно, кем вы были. Важно, кем вы решили быть.

Они стояли в тишине. Впервые не как беглецы. Не как машины. А как те, кто может принять себя.

R-73 опустил на колени. S-Модель обняла его. Он не знал, плачет ли она. Или просто обновляется.

Человек человеку волк. Но, может быть, и друг. Или зеркало. Или шанс.

За окном снова шел дождь. И он был реальным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Я – Альфа и Омега	5
Звездный код ДНК	11
Вечное Возвращение	16
Шепот пустоты	19
Объятия Небулы	23
Планета Вечных Сумерек	31
Космическая Симфония	35
Загадка Сфинкса	38
Последний алгоритм	41
Обратная сторона вечности	44
Бессмертные не плачут	47
Портал над кольцами Сатурна	52
Кристаллы из туманности Веги	55
Код Кассандры	58
Черный ящик Прометея	62
Эффект Бабочки	66
Сингулярность наоборот	70
Последний космограф	74
Станция «Энигма»	77
Пробуждение «Кассиопеи»	80
Земля обетованная	83
Солнечный ветер	88
Человек человеку волк	91

Виктор Харемов
Сергей Харемов

Звездный след
Сборник рассказов

Сборник «Звездный след» — цикл фантастических и философских рассказов о пересечении науки и судьбы, памяти и технологий. Герои этих историй ищут ответы на вечные вопросы: можно ли изменить свою судьбу, вернуть утраченное, расшифровать смысл собственного существования? Каждый рассказ в этом сборнике оставляет свой след... как свет далекой звезды.

Для читателей, которым близки размышления о человеке, его месте во Вселенной и хрупкой грани между наукой и чудом.

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!